

An artistic illustration of a young man with short brown hair, shown in profile from the chest up. He is wearing a white tank top and looking towards the right. The background is dark, featuring silhouettes of trees and a small, dark house with a single window. The overall mood is somber and contemplative.

Таисья Пьянкова

Я - дочь
врага народа

Таисья Пьянкова

Я – ДОЧЬ
ВРАГА НАРОДА

Повесть в рассказах

НОВОСИБИРСК
2015

ББК 84 Р7-4
П 96

Одна десятая судьбы,
Одна десятая.
А сколько было в ней – увы!
Лихого, всякого...
Теперь же судят со смешком:
А вспоминать не лень?
Но вы на месте на моём
Побудьте хоть бы день.

Страшно

Крепкая, мужеподобная Лидия Кранидовна – директор детского дома, которую за глаза зовут Гром-баба, а то и Комиссарша, спрашивает кругленькую, розовощекую, недопустимо сдобную, по военному времени, медсестру:

– Ну, что там у нас в изоляторе, Зинаида Ивановна?

Зинаида Ивановна отвечает:

– У Трапезниковой – тридцать семь и четыре; у Славянова – тридцать семь и шесть; у Тихонова – тридцать семь. А у Садыкова сыпь какая-то появилась. Похоже – корь.

– Этого нам еще не хватало! – вскидывает косматые брови Лидия Кранидовна и спрашивает дальше: – А Быстрикова? Она как?

– У неё – тридцать девять и два.

– Как всегда! По самый край...

– Да уж, – соглашается медсестра, – странная особа. Драться так уж драться, болеть так болеть! Всё на пределе. И неудачливая! К Новому году всем хватило нарядов, а ей ни платья, ни туфель не досталось.

– Так нельзя-а? – судит директор. – Лиза, конечно, не подарок, но хотя бы из чего списанного перешить нужно.

– Я скажу кастелянше, – обещает Зинаида Ивановна. – Не то

снова забьётся за печку, шары свои вылупит, как слепая... Смотреть страшно! Я из-за неё, честное слово, боюсь ночью в изолятор входить. То ли она не в себе, то ли умная слишком? Глаза во сне открыты, чего-то шепчет... Лидия Кранидовна, – умоляюще говорит медсестра, – спровадить бы её в другой детдом.

– Грипп, погодите, минует – поговорю насчет перевода. Признаться, и самой мне она не по душе.

– К тому же – дочь врага народа! – подсекает Зинаида, Ивановна.

– Ну, и что теперь? Не казнить же нам её за отца! – с необъяснимой досадою отвечает Лидия Кранидовна, затем велит: – Ступайте. Поглядите, что там в изоляторе. И закройте на ночь трубу и дверь.

Изолятор – маленькая бревенчатая пристройка к большой столовой. Отдельно от основного корпуса. На улице – сорок градусов зимы.

Зинаида Ивановна налегке перебегает двор.

В изоляторе тепло. В нём восемь коек. Свободна лишь одна. У двери, в уголке, тумбочка и ночное ведёрко. На тумбочке горит керосиновая лампа. Электростанция не работает.

Ребята спят. Не спит только Лиза. Она глядит в потолок и шепчет, будто не слышит дверного скрипа.

Зинаида Ивановна поспешно задвигает выюшку печи, задувает в лампе огонь и, позвякивая снаружи засовом, громко говорит:

– Блаженная, чёрт тебя побери!

Лиза улыбается, опускает веки и со временем оказывается в бабушкиной избе, на полатах. Во сне полати начинают качаться, лететь ковром-самолётом по-над загородным Татарским болотом, грязным и вонючим. Лизе тошно...

Она просыпается, хочет подняться. Но валится с кровати на пол и осознаёт, что угорела. Осознаёт потому, что такое с нею случилось и прежде. В бабушкиной хате. Тогда она свалилась на пол прямо с полатей, и этим, слава Богу, спасла всех семейных.

Лиза ползёт к высокому изоляторному окошку. Дотягивается до стекла, ударяет по нему кулаком и проваливается в небыль...

Приходит в себя на диване, в кабинете директора, Лидия Кранидовна сидит за столом и говорит не ей:

– Если бы не она, нам бы – тюрьма! Вы мне семерых ребят

уморили было! Я теперь на неё молиться должна, а вы – другой детдом! Ступайте прочь! Видеть вас не могу!

Скрипит дверь. Директор поднимается, ходит по комнате грузная, суровая. Замечает, что Лиза очнулась. Подсаживается к ней. Глаза теплеют. Губы тихо произносят:

– Умница ты моя! Да я тебе к Новому году сама платье сошью. Лучше всех у меня будешь! Кушать-то хочешь?

Кушать Лиза не хочет. Её даже передёргивает от услышанного. Директор понимает её состояние. Не настаивает. Склоняется. Видно, хочет поцеловать. Но девочка резко отворачивается и опять впадает в забытьё.

Просыпается она только под вечер. Голову, руки, ноги – всё крутит, ломит. Лидия Кранидовна рядом. Лекарство с холодным сладким чаем противно.

– А выпить надо, – говорит Лидия Кранидовна. – Простыла крепко! Не было бы воспаления!

Лиза пьёт и опять засыпает. До утра.

Утром повариха, тётя Паша, приносит завтрак, говорит:

– Ты у нас теперь барыня. Комиссарша даже плакала над тобой.

Лиза не знает, как такой завтрак есть: четвертина курицы, хлеб с маслом, каша с маслом, компот и огромное яблоко. Вкус яблока Лиза давно забыла. Хочется вспомнить. Но в нос лезет запах постоянной детдомовской горошницы, которым заполнен даже кабинет директора. А кажется, что это пахнет от яблока. И Лиза шепчет:

– Не хочу.

– Ну и дура! – говорит с печалью тётя Паша. – Другой, на твоём месте, оторвал бы с руками.

– Не хочу!

И вот он через день – Новый год! Силами ребят предстоит постановка “Кошкиного дома”! Лиза в ней не участвует потому, что всё делает по-своему. Да и пребывает она пока что на директорском диване. Лидия Кранидовна обещает завтра её отпустить. Весь текст постановки Лиза знает наизусть. От нечего делать повторяет:

...А теперь наш козырь – крести.
Пропади ты с ними вместе!
Недоела мне игра.
Да и спать давно пора...

Постепенно “Кошкин дом” уплывает из памяти. Иные стихи занимают его место:

Что-то будет, что-то ждётся!
Что? Не знаю, но ко мне
Звонким голосом несётся
Весть о будущей весне...

Лизе нравится слагать собственные строки. Среди них она осознаёт себя нужной, умной, даже красивой...

Но входит Зинаида Ивановна, и очарование пропадает.

Лиза не обидчива, но и не забывчива. Зла не держит, но разговаривать не желает. Медсестра понимает её неприязнь. Потому говорит униженно – ради отношения с директором детдома:

— Давай, деточка. Подставляй попу. Последний укольчик. Ты же у меня смелая девочка.

Больше она не приходит. Приходит Лидия Кранидовна. Но у неё много забот. Ей некогда, некогда, некогда...

А вот и Новый год! “Кошкин дом” просто великолепен! Ребята довольны, веселы, нарядны.

Огромный дед Мороз, сотворённый из папье-маше, ваты и красного полотна, занимает весь угол залы – от пола до потолка. За ним сидит, спряталась, Лиза. На ней старое платье.

Бетховен

Уже лето.

Софья Борисовна – существо забавное. От юности своей она удалилась лет на пятьдесят. Но это её не смущает. При первом же знакомстве с ребятами она кладёт на пианино принесённую с собою

скрипку, пальчиками приподнимает лёгкий подол платья и пляшет чечётку, чем тут же заражает весь детдом. С неделю, после её номера, по всем углам слышен стукоток подошв.

После чечетки Софья Борисовна ударяет по клавишам пианино, поёт чистым голоском:

Из края в край вперё-од иду –
Сурок всегда-а со мно-ою.
Под вечер кров себе-е найду –
И мой сурок со мно-ою...

Это, по её словам, она даёт ребятам Бетховена. Чайковского она “даёт” на скрипке.

Лизе давно знаком и Бетховен, и Чайковский: семья владела многими инструментами и умением петь. Когда, при аресте отца, в доме был обыск, скрипку стали трясти и уронили на пол. Она закричала всеми струнами. Лиза была маленькой, но этот крик пронзил ей душу и там затаился. Теперь музыкантша его потревожила. Делается больно и слеза катится по щеке девочки. Но Софья Борисовна почему-то радуется ей. Она поглаживает Лизу по плечу, обещает:

– Я научу тебя играть.

И спрашивает:

– Хочешь? Говори, не стесняйся.

Лиза – натура крайне замкнутая, бессловесная. Но тут она поёт:

Из края в край вперё-от иду –
Сурок всегда-а со мно-ою.
Под вечер кров себе-е найду –
И мой сурок со мно-ою.
Подайте хлеба нам друзья –
Суро-ок всегда-а со мною.
Обедать, право, до-олжен я –
И мой сурок со мно-ою...

– Исключительный ребёнок! – восторгается Софья Борисовна в кабинете директора. – Ею следует заниматься отдельно.

– Не следует!– обрывает её вдохновение Лидия Кранидовна.– Лиза – дочь врага народа. Отец расстрелян, мать ушла из жизни, можно сказать, добровольно. Ясно?! И давайте к этому разговору больше не возвращаться...

Лиза чувствует, что Софья Борисовна к своему обещанию охладела. Однако же которую ночь девочка не спит – ждёт, мечтает: вот она в белом платье со скрипкою, вот она в белом... Но получается, что ни в белом, ни в черном она никому не нужна. И никак Лиза не может определиться в новой пустоте.

Сон идти не торопится, а в дрёме Софья Борисовна всё спрашивает её:

– Хочешь?

Лиза отвечает, но ее не слышно.

А Софья Борисовна пожимает плечами и беззвучно ударяет по клавишам. Ребятчий хор поёт одними губами. Но песня понятна:

... ходит рыба золота-ая
В затихающей реке-е...

Лиза видит на месте Софьи Борисовны вздрагивающую от рыданий спину бабушки. Боится, что та сейчас завоет. Опять, как бывало, возьмётся оплакивать загинувшую в арестах, гонениях, болезнях некогда большую семью. Станет просить Бога – забрать её к себе. Бог её заберёт, а Лизу отправят в детский дом...

Софья Борисовна – эвакуированная. От прошлого у неё, похоже, осталась только скрипка. Жить негде. Для этого Лидия Кранидовна определила ей кладовуху в уголке дальнего коридора. Но там Софья Борисовна ночевать боится. Спит на топчане, в спальне девочек. Ложится она поздно, уходит рано. Видит её приходы одна только Лиза. Она всё ждёт. Вдруг Софья Борисовне опять спросит – хочешь? Лиза ответит – да! И её мечта в белом платье сразу обретёт свою жизнь.

Но Софья Борисовна молчит, хотя понимает, что Лиза не спит. А у девочки день ото дня накапливается ожидание. И досада. Она уже не видит белого платья. Зато всё яснее видит скрипку, что лежит в кладовухе на полочке. И дверь там не запирается – сломан замок...

Ночь тёмная! Приходится продвигаться ощупью. Все двери отво-

ряются беззвучно – петли смазаны солидолом. Лидия Кранидовна не терпит скрежета. Однако сама носит сапоги со скрипом – как у Сталина!..

Только лишь с одною струной Лиза не успевает справиться: чьи-то голоса раздаются во дворе. Наверное, разговаривает дежурная со сторожем.

Одноголосую скрипку Лиза оставляет на столе и возвращается в спальню. В её руке пучок струн. Нарочно смело она поднимается с ногами на кровать, которая стоит у окна. Резко отворяет форточку. Ждёт, чтобы кто-нибудь проснулся да придержал её. Но все спят. При свете луны хорошо виден высокий детдомовский забор. Между ним и окошком заросли крапивы и шиповника. Туда Лиза бросает струны.

Утром, во время завтрака, Лидия Кранидовна говорит, войдя в столовую:

– Здравствуйте, дети!

Дети не отвечают. Им запрещено разговаривать во время еды.

– Сегодня, музыкальное занятие отменяется, – продолжает говорить директор и объясняет: – Софья Борисовна заболела. Положили в больницу. – Поскрипывая сапогами, она исчезает за дверью кухни.

Зинаида Ивановна дополняет её объяснение:

– Плохо с сердцем.

У Лизы пропадает аппетит.

Зинаида Ивановна замечает это, склоняется к её уху. Злобно шепчет:

– Чего не жрёшь?! Никак без фокусов не можешь!

Лиза отодвигает тарелку.

– Ну и черт с тобой!

У Лизы короткое платье. Голые ноги. Но она лезет в заросли. Надо отыскать струны.

Отыскала, свернула их колечками.

Забор высокий, но перелезть несложно – перекладыны с этой стороны. И Лиза не думает о том, как будет возвращаться.

В волдырях и царапинах, что есть духу, девочка летит к больнице. Та недалеко. Строение низкое, ворота отворены. Во дворе полно

раненных. Все они добрые. И все знают, куда положили утром старушку.

Палата мужская. Софья Ивановна лежит за ширмой. Её волосы. Её лицо. Но глаза...

Глаза подёрнуты пеленою, как у неживой курицы. Однако же белые губы улыбаются и шепчут:

– Лизонька! Как же ты? Убежала?

Девочка молча протягивает струны. Софья Борисовна принимает их. Заодно в свои ладошки берёт Лизины руки. Говорит погромче:

– Я знала... Я ничего не сказала директору... И запомни: у тебя чудесные были родители. И ты... тоже...

Сил у нее не хватает говорить дальше.

А ладошки у Софьи Борисовны теплые и нежные, как у бабушки...

Сурок

О предстоящих в детдоме событиях ребята узнавали утром – на линейке. Линейка – это построение для исполнения гимна. Вечернее построение тоже было. Называлось поверкою.

На этот раз порядок оказался нарушенным. Лидия Кранидовна во время обеда объявила:

– После полдника у нас будут гости. Приедут добрые люди. Они хотят кого-нибудь удочерить. Всем девочкам получить на складе новые трусы.

На дворе июль. Головы лысые, панталоны голубые. Построение в три часа у столовой.

Лиза стоит, размышляет:

“Если можно удочерить, значить можно и уматерить. Две дочери бывает, а двух мам? Нет! Не бывает...”

Остальные девочки тихонько выясняют меж собой – кому охота в дочери, кому нет. Получается, что никто не желает менять память о собственной матери на чужую тётку. Но Лиза понимает, что они боятся быть отбракованными, потому загодя ершатся.

Мальчишки, загнанные в игровую комнату, выставились в окна – завидуют.

Зинаида Ивановна идет вдоль строя, считает:

– Пятнадцать, шестнадцать – все на месте. Смотри у меня, Быстрикова!– грозит она Лизе пальцем и идет к воротам.

У распахнутых ворот стоит сама Лидия Кранидовна. Она распоряжается громко и нервно.

Машина до ворот не доходит. Урча, останавливается за оградой. Девочкам её не видно – им приказано стоять – не шевелиться! Однако при появлении пеших гостей во дворе слышен общий вдох удивления:

– Ух, ты!

Полковник с женою!

Полковник – жилистый, высокий! Рука на перевязи! Герой! Полковничиха низенькая, моложавая, сдобная, как Зинаида Ивановна, и вся в креп-сатинах!

Полковник задерживается у ворот – разговаривает с Лидией Кранидовной. Полковничиха с медсестрой приближаются к девочкам безо всяких приветствий!

Туфельки на ней лаковые, ручки пухлые, кудельки белые, голосок мягкий. Она спрашивает Зинаиду Ивановну:

– Какую вы мне посоветуете?

При этом они медленно идут вдоль голубых трусов. Полковничиха близорука. Она всматривается в девочек, а им кажется, что внюхивается. Она внимательна ко всякому на теле пятнышку, царапине, коросте. Велит поворачиваться туда-сюда. А еще повторять:

– Прекрасная погода!

Вот она останавливается против Лизы, велит сказать про погоду. Лиза глядит полковничихе прямо в глаза. Они чуть навывкате, жидко-голубые. А у мамы были тёмно-коричневые. Совсем не то. И Лиза отворачивается.

– О-о? – вроде как одобряет полковничиха. – С характером! Это интересно!

– Очень своеобразная девочка!– говорит Зинаида Ивановна. – Пойдёмте дальше.

– Нет, нет! Погодите,– придерживает ее гостя и спрашивает. – Кто у неё был отец?

Лиза, не повернувшись, опережает ответ Зинаиды Ивановны:

– Враг народа!

– Это интересно! – повторяет полковничиха и пытается рукою за подбородок повернуть Лизу лицом к себе. Острые её ноготки требуют повиновения. Больно! И Лиза, неожиданно для самой себя, впивается зубами в холёную руку.

Лиза никогда и ничего не делает абы как!..

Она и со своего места срывается вихрем. Уносится за угол детдома – в заросли шиповника. Сидит там, слышит шум уходящей машины, жалеет о том, что не воспользовалась распахнутыми воротами...

Только перед ужином ее отыскивает в зарослях детдомовский сторож – Степан Матвеевич. Он предан Лидии Кранидовне до безрассудства. Потому даёт Лизе крепкую оплеуху и силой тащит в изолятор. Туда, где полугодом назад Лиза спасла от смерти столько ребят. Там её ждёт сама директриса! Она сидит на краю одной из кроватей. На коленях у неё веревка.

Степана Матвеевича она просит посторожить за дверью. Встаёт. Скидывает с кровати постель. Указывает Лизе на голую сетку. Сетка ромбиками. Лиза ложится на “ромбики” спиной. Лидия Кранидовна привязывает её и молча уходит. И запирает дверь на ключ.

Хотя форточка закрыта, но в изоляторе полно комаров и мух. Комары скоро напиваются и затихают. Мухи – страшнее. Они вечны в своей суеде...

Дверь открывается только утром. Лидия Кранидовна одна. И слава Богу! Лишь она одна видит, что Лиза описилась.

Лидия Кранидовна распутывает верёвку, сдёргивает с Лизы мокрые трусы. Велит ими вытереть пол.

Чтобы не выставять перед директором голую попу, девочка подползает, под кровать со стороны спинки и выполняет приказ.

Лидия Кранидовна уходит и трусы уносит. Лиза кутается в простыню.

Директор возвращается с плотной одеждой – чтобы никому не были видны ромбики кровоподтёков. Одетой Лизе она велит:

– Ко мне в кабинет! Марш!

В кабинете и медсестра, и воспитатели, и кастелянша, и даже Софья Борисовна. Все ахают – сокрушаются. И Софья Борисовна тоже.

Лиза не может понять, кто же больше всего тут пострадал? И ей хочется всех, без разбору отравить. Она стоит у дверного косяка и не слышит, о чем её спрашиваю. Всю ночь она не спала. Чтобы умалить боль, сочиняла. А теперь надумала повторить вымысел. Потому начинает шептать:

День какой! Весёлый да хороший!
Словно чьей-то сильною рукой
Был кусочек солнца с неба сброшен
И разбит на влажной мостовой...

– Да она нас не слушает! – Взвизгивает Зинаида Ивановна. Она почти кричит, обращаясь к девочке. – Дура! Хлебнёшь ты в жизни горя!

– Я знавала их семью, – говорит Лидия Кранидовна. – У них вся порода такая упрямая. Не мудрено, что Лиза осталась сиротой...

Никому в кабинете нету дела до того, что шепчет девочка....

Только Софья Борисовна пытается щебетать:

– Опомнись, деточка! Тебя же в другой детдом собираются перевести!

Но Лизе и Софья Борисовна кажется лживой. Уж больно она старается, чтобы её услышали. Но здесь, похоже, никто никого не намерен выслушивать. И Лиза, чтобы заглушить ненужный разговор, начинает петь:

Из края в край – вперё-от иду –
Сурок всегда-а со мно-ою...

Все замолкают. Софья Борисовна сморкается в клетчатый мужской платок. Кроме скрипки она, похоже, еще и этот платок от войны уберегла...

Спасибо великому Сталину

Деревня маленькая. Новый детдом меленький. Весь он, с кухней и столовой, умещается в кирпичных полуметровой толщины стенах бывшего маслозаводика. Когда-то заводиком владел купец Афанасьев. Революция хозяина турнула... Окна, полы, потолки и прочее разволокла. Стены без хозяина от сырости позеленели и стали вращать в землю...

Сделался бы заводик могильником, да страна случилась в таком положении, от которого наплодилось тьма беспризорников.

Припела необходимость тьму эту приручить. Следовало каждому сироте определить, на худой конец, по койке и месту за столом. Но прежде всего была потребна крыша над головою.

Так доходит очередь и до заводика.

Ранней весной сорок четвертого силами колхозниц чахлое строение белится, моется, обогревается. А в мае месяце с каждым восходом солнца из его нутра уже несётся по деревне –

Союз нерушимый
Республик свободных...

Вечерами же со стороны детдома колхоз слышит иную молитву:

Спасибо великому Сталину
За наше счастливое детство!

В августе к этому славословию захотелось привередливой судьбе приобщить и голосок Быстриковой Лизы. Но оказалось, что девочка наперед этих слов накрепко запомнила слова своей бабушки, которая перед смертью сказала ей:

– Если Сталин губит таких людей, какими были твой отец и мать, он сам и есть – враг народа!

У Лизы нет причины не верить бабушке и величать вождя она не намерена. Для обитателей маленького детдома это крайне дико. Непонятно. Неприемлемо. Даже противно...

На третий день, за завтраком, соседка Лизы – Фролова Любка говорит через длинный стол воспитательнице Нине Ивановне:

– Не буду я сидеть рядом с новенькой. От неё говном воняет.

– Николаша, – обращается воспитательница к другому Лизину соседу по столу. – По-моему Люба преувеличивает.

Колька, по кличке Хлюзок, откидывается назад, тянет носом, а потом строит, такую рожу, что все тридцать ребят покатываются от смеха.

У новенькой горят уши. Ей не до завтрака. Хлюзок мигом поглощает её порцию. Довольный, хлопает себя по животу. Его хамство одобряется угодливыми смешками ребят и равнодушием Нины Ивановны.

Ребята Кольку боятся. Он слишком наглый. А еще у него имеется кнут!

Утренняя травля повторяется и за обедом. Нина Ивановна велит новенькой пересесть за дальний край стола. Только Лиза отлично понимает происходящее и остается на своём месте. А Колька продолжает издёвку. Он тянет из кармана дождевого червяка, бросает соседке в тарелку. Лиза бледнеет, но не уходит.

И за ужином она оказывается рядом с Колькой. На этот раз она демонстративно подвигает ему свою порцию.

Хлюзок не давится.

Следующим утром новенькая в столовой не появляется.

Хлюзок раздражен. Не смеет он завладеть завтраком, который пока что никому не принадлежит.

И воспитательнице не по себе

На третий день голодовки Нина Ивановна говорит Лизе:

– Завтра твоё дежурство по кухне.

– Сообщается это на вечерней линейке.

Перед отбоем, в умывальне, Колька притискивает Лизу к стене и приказывает:

– Завтра вынесешь кусок мяса! В обед. Поняла! А не то... Гад буду – удавлю!

Он делает вид, что ногтем большого пальца на руке вырывает

свой зуб, а потом, ногтем же, проводит себя по шее. Это блатная клятва.

Лиза не торопясь говорит:

– Ладно. Вынесу. Жди!

В кухне Лиза нарезает порциями хлеб. Повариха Федосия Леонтьевна который раз предлагает ей – поешь!

Девочка вроде бы и не слышит её.

– Что ты за ребёнок за такой, – сокрушается добрая повариха. – Я ей не скажу, что покормила тебя.

Ей – это Нине Ивановне.

– А в заднюю дверь кухни заглядывает Любка Фролова, она откровенно заискивает перед Колькою и служит ему. Потому манит Лизу:

– Иди сюда!

Лиза прихватывает скалку и выходит на крыльцо. Крыльцо низкое, в торце корпуса. Задняя дверь кухни находится под лестницей, которая ведёт на чердак. Место глухое. Метрах в пяти заросли лопуха.

Тут же, на крылечке, Лизу обжигает удар кнута.

Хлюзок скалится. Кнут взлетает снова...

Лиза не увёртывается. Со скалкой в руке она медленно сходит с крыльца.

Колька хлещет.

Лиза наступает.

Кнут сечёт её по лицу.

Лиза не отворачивается. Она думает, что не так уж это больно, чтобы струсить. Можно даже улыбнуться. И она улыбается.

Хлюзок пятится, наступает на свою плеть, Кнутовище вырывается из его руки. От страха Колька не понимает, кто это сделал и удирает за угол корпуса.

Лиза подбирает кнут. Грозит им Фроловой Любке, которая выглядывает из-за того же угла. Затем уходит.

В кухне она бросает трофей в печку, а у ошарашенной её видом Федосьи Леонтьевны просит поесть.

Свинья

Детдом маленький. Двор большой. Забора, как такового, нет. Когда-то был вокруг бывшего заводика кирпичной же кладки предел, но и его разволокли. Остались только намёки на прежнюю ограду. Да и те заросли бурьяном.

Лишь одна сторона детдомовской усадьбы ограничена дощатым забором. За ним – двор председателя колхоза.

Забор и высок, и крепок – под стать хозяину. Как только умудрился он уберечься от военного лихолетья?

Скотина во дворе председателя – не дело. Пусть она пасется и пакастит за оградой.

А свиней у председателя – стадо! И прочей живности хватает. Умеет человек жить!

По правде говоря, детдомовская усадьба – председателей скотный двор.

Директор детского дома – Спиридон Васильевич, или Спирик, председателей угодник. Он знает, что одна свинья кусается. Но ему обещано, что ее осенью заколят. И он ждёт. А строжится только над ребятами:

– Не дразните животное!

На тридцать детей – четверо воспитателей. Один из них Сергей Власович. На утренней линейке он говорит:

– Сегодня едем заготавливать грибы.

И все уезжают.

Остается Лиза – опять дежурит по кухне. Остаётся Витька Матвеев – дошколёнок лет пяти. За вечно мокрый нос его зовут Соплёю. У Сопли сломана рука. Она в гипсе.

И еще не едет Колька Хлюзок. Всем известно, что он лодырь, что толку от него не будет. И потому всеми делается вид, что отсутствие его не замечено.

После его побега от кухни, Лизу в детдоме зауважали. Но она все равно держится особняком. Такой уж у нее характер.

У Кольки – тоже характер. Он затаил злобу. И теперь он укрылся в зарослях лопуха, что против заднего крыльца кухни. Сидит. Не

знает пока, что сотворит. Но ждёт. На всякий случай им припасена крепкая палка. Рядом пасётся та самая председателива свинья.

На перилах лестницы, ведущей на чердак, сохнут-проветриваются матрасы мочунов. У лестницы Витька Сопля. Он сосредоточен: учится левой ногою поддавать зоску*.

Лиза с ведром помоев выходит из кухни во двор, Колька из засады не выскакивает, а с силою тычет палкою свинье по хвост.

Та верещит, крутится. Не видит обидчика и свирепеет. Летит через двор. Но не на Лизу, хотя та ближе к ней. Несётся напрямик на Витьку.

Девочка успевает выплеснуть перед нею помои. Но свинье требуется обидчик.

Она сбивает парнишку на землю. Хватает за ухо. Лиза что есть мочи колотит ее по крупу пустым ведром.

Животина разворачивается. Тупо смотрит на девочку. Жуёт.

Витька за это время успевает подхватиться на ноги. От страха он, видно, боли не чувствует. Торопится вверх по лестнице.

Кровь окрашивает на плече его рубашку. Запах ее манит свинью. Она кидается следом за парнишкой. Хватает за ягодицу. Рвёт. Жуёт заодно с клочком штанишек. Но Витька продолжает подниматься. Случайно задетый им матрас валится на ступеньки.

Пока свинья терзает его, пацанёнок успевает закрыться на чердаке.

Там ребята иной раз покуривают, потому приспособили изнутри засов – от надзора воспитателей. А при нужде спускаются на землю через ветровое окно. По пожарной лестнице.

Свинья ломится на чердак, орёт. Лиза орёт того тошней.

Директор бежит. За ним завхоз. Где-то были неподалеку.

Девочка лишь показывает на лестницу – говорить не может.

А через детдомовский двор торопится председательша. Она тоже услышала шум. И свинью свою наверху увидела. В руках у нее трепещет окровавленная курица: бабёнка на бегу оторвала ей голову.

Этой жертвою она сминает животное на землю. Покуда свинья жрет курицу, хозяйка успокаивает её: оглаживает, чешет за ушами, воркует и уводит.

Чердак открыть никак не могут. Витька не отзывается. Спирик злится на завхоза:

– Сколько вам говорить – закрывайте на замок?!

– Закроешь! Ага! – оправдывается завхоз. – Наши архаровцы чёрта сорвут...

Дверцу приходится ломать.

Витьку отыскивают в дальнем углу чердака. Полумёртвым. Относят в изолятор, где над ним хлопочет медсестра. А у двери изолятора директора поджидает Колька Хлюзок.

Он сообщает Спирику:

– Я видел: новенькая дразнила свинью.

– Ладно! Разберёмся! – отвечает директор.

И разбирается...

Лизе оправдаться нечем. Кольку в лопухах она не видела. Может, Витька видел. Но если и видел, то рассказать бы не смог. Он стал заикаться длинно, мучительно.

Укусы ему залечили. А вот заикание... Да кому это было нужно! Господи!

После, потом Лиза истину узнала... Сам Колька, похоже, перед кем-то прихвастнул.

А пока...

Лиза отсидела чужую вину в карцере. Она любит одиночество. Чуток бы побольше хлеба...

День рождения

Мало заикой, Витька Сопля сотворился еще и мочуном. Да каким! Туалет за корпусом, но Витька до него почти никогда не добегают. Про ночь и говорить не приходится...

Ребята – народ жестокий – если еще и не удерживать.

Вот уж с Витькою рядом никто не желает ни спать, ни за столом сидеть.

Медсестра сокрушается;

– Ну что с ним делать!

Кастелянша тоже сетует:

– Всё как есть поприссал!

Директор строжится:

— Будешь сверкать перед ребятами мокрыми штанами, отправлю в спецдетдом!

– Там с вами, с выродками врагов народа, разговаривают иначе!

– подсеивает Нина Ивановна.

Она пугает Витьку, но имеет в виду и Лизу. Разговор идет при ней.

А директор спрашивает её впрямую:

– Ты хоть соображаешь, что натворила?! Напустить на ребенка этакую зверину!

Витька пытается что-то пояснить, но лишь тянет своё бесконечное “и”. Этим он мешает взрослым. И директор усиливает голос:

– Теперь тебе и следить за ним! Ясно?! Ночью будешь подниматься – будить его на ведро! Понятно?

– Понятно.

Лизе понятен не только приказ. Она уясняет еще и то, что Витька ей – брат по несчастью.

И они становятся неразлучными.

Скоро Лиза примечает: только увидит малыш свинью, под носом его сразу становится сухо, а вся мокрень выливается из него на ботинки.

А свинья пасётся, как паслась! О, Господи! Куда деться от зверей!

И девочка припоминает: в Татарске, в доме бабушки, завелись однажды крысы.

– Последнюю картошку сожрут, – завздохала бабушка. – Придётся травить животных.

В ступе натолкла, она стекла, перемешала с отрубной кашею. Накатала колобков. Опустила стряпню в подполье. Через неделю сообщила:

– Ушли крысы. Или передохли...

Лиза находит пару плоских камней, кусок стекла. Прячется в репейнике. Колотит, трёт, ссеивает, еще колотит... Да так, чтобы

никто не видел ее затеи. Потом она порошок заворачивает в крепкий лист лопуха, прячет под камень, прикидывает дёрном.

Очередь за кашей.

Но вынести что-нибудь из столовой нельзя – шмонают. И девочка умудряется: весь обед заглатывает разом, делает вид, что ей дурно. Знает: Нина Ивановна брезглива – выгонит. И не ошибается.

В зарослях репья Лиза, опять же на лист лопуха, добывает из себя съеденное. Всыпает туда стекло. Перемешивает щепкой. Подсовывает месиво под свиное рыло – оно жадно чавкает.

А тут черт несет председателюшу!

– Чего ты ей дала?!

Лиза ответно только улыбается. Председательша строжится:

– Подохнет – кишки из тебя выпущу!

– Не-а! – отвечает девочка. – Не выпустишь...

Недели через две свинья на улице не появляется. Вся деревня уже знает, что хавронья отказалась есть. Бабы толкуют:

– Худат прям на глазах!

– Придётся прирезать...

А вот и сам председатель идет детдомовским двором. Он высок. Он плотен! Как собственный заплот! А бабы говорят:

– У-у-у! Романыч-то наш! Частокол!

В кабинете директора Спирик с “частоколом” призывают Лизу к ответу. Желают выяснить: можно ли есть мясо?

Но девочка по существу не отвечает, а говорит сквозь зубы:

– И других отравлю!

Спирик разводит руками и только не плачет:

– Ну, что я могу поделать?! Карцер ей – курорт. Она там стихи, видите ли, сочиняет. Была бы моя воля, я бы ей насочинял – на заднице... А попробуй – тронь! Чего доброго убежит – в Районо жаловаться. С неё будет...

– Куда она побежит?? Спиридон Васильевич! Тридцать километров до Татарска!

– А то не бегивала. Этот детдом у неё третий!

– Как знаешь! Но убытка я не потерплю!

– Какой убыток! Романыч!? – увещевает директор председателя. – Я твою свинью на кухню возьму...

Тут он спохватывается, что разговаривают при Лизе. Гонит её

из кабинета. Но она, пока затворяет за собою дверь, успевает дослушать председателя:

– Ты мясом-то сперва эту сучонку накорми. Мало ли что она подсунула...

Перед обедом Лиза вдоволь наедается мяса. Сытая она внезапно вспоминает, что сегодня у нее день рождения. Ей девять лет!

Не умничать!

Учительница во втором классе – Ирина Еремеевна. Грузная, бровастая, усатая. Платье синее. Вырез на груди клинышком. В клинышке тело дряблое, как старая картошка. По «картошке» елозит медальон.

И всё это приказано уважать.

Ирина Еремеевна не выпускает из короткой руки длинную линейку. Ею она и указывает, и наказывает, и одобрительно похлопывает ребят по загривкам.

Букву “р” она произносит картаво: то ли мурлычет, то ли рычит?

И это положено уважать.

А в Татарске, в первом классе, у Лизы была учительница – Белоконь Ольга Николаевна! Ту хотелось называть мамой.

Если бы Ирина Еремеевна сделалась худой – наверняка летала бы в школу на метле. А такую, как бы сказала бабушка, тумбу даже ступа не поднимет.

Наказывать ребят Ирине Еремеевне нравится. Чуть что:

– Крючков! За печку!

– Ильин! За печку!

– Быстрикова! За печку!

В классе довольно прохладно. За печкой тепло. К тому же окошко напротив. Можно даже читать.

Лиза не любит учительницу, но любит читать.

Если ей удастся раздобыть хотя бы клочок газеты, она сама добивается того, чтобы Ирина Еремеевна её наказала.

В детдоме не больно спрячешься. На улице поздняя осень. Благодать только за печкой.

Но кто-то разгадывает Лизину хитрость и ябедничает Ирине Еремеевне. В следующий раз она отбирает у Лизы чтиво. Девочка припадает к тёплой печи, неслышно плачет. А в печи оказывается щель забитая копотью.

Ладонь случайно ложится на сажу, затем вытирает мокрое лицо. Потом Лиза настороженно выглядывает из-за печки. Хохот ошалелый.

Пока Ирина Еремеевна разворачивает от доски свою толщину в поисках причины веселья, Лиза видит на руках сажу, понимает, в чем дело, и прячется.

В наступившей было тишине опять выглядывает...

Урок сорван!

На перемене Лиза во дворе моет лицо дождевой водою, утирает подолом.

Только успевает вернуться в коридор, как тут же слышит:

– Быстрикова! К директору!

Директор школы – Игорь Васильевич Телегин. Он сильно горбат. Оттого мал ростом и сидит на стуле, подвернув под себя ногу. Но ученики готовы каждого, кто посмеет хоть чем-то обидеть его, уничтожить на месте!

Лиза тоже за месяц школьных занятий успела его полюбить. Если Игорь Васильевич идет по другой стороне улицы, она перебегает туда, чтобы поздороваться. Хотя в деревне и без того всех всегда видно.

Не успел начаться разговор – зазвенел в коридоре звонок. Игорь Васильевич предлагает Ирине Еремеевне пройти на урок. А Лизу он спрашивает:

– Тебе нравится читать?

Девочка кивает.

– А вот я слышал, что ты еще и стихи пишешь?

Лиза кивает.

– Почитай, пожалуйста!

Лиза читает медленно и очень выразительно:

Что-то будет! Что-то ждётся!
Что? Не знаю. Но ко мне
Звонким голосом несётся
Весть о будущей весне...

– Дальше! – просит директор.

Тихой песней колыбельной,
Звонким кличем юных лет,
Ликованьем беспредельным,
Лучшим словом – ты поэт!

– Дальше! Дальше!

Ты – поэт! Какое чудо!
Жизнь какая! Мир какой!..

– Лизонька! Дальше!

Но Лиза плачет.

И у Игоря Васильевича на глазах слёзы.

– Всё понятно! Всё понятно! – повторяет он и предлагает: –
Надеюсь, ты сегодня вечером придёшь к нам в гости? Домой. Я
договорюсь со Спиридоном Васильевичем.

Усадьба школьного директора от детского дома наискосок –
через дорогу. Погода слякотная. Приходится идти по грязи.

Игорь Васильевич поджидает Лизу у ворот – во дворе собака.
Крыльцо чистейшее! Ботинки у Лизы грязные и большие. Большие
настолько, что она шнурков не распускает. Разувается так. Носки
худые.

Жена директора – стройная, улыбчивая красавица – агроном,
вздыхает и говорит:

– Как раз к столу – пироги горячие...

– Мы ужинали, – отвечает Лиза.

– Но пирогов не ели.

По тени на стене Лиза видит, как Игорь Васильевич маячит жене
– не настаивай, дескать. Он проводит Лизу в комнату.

– Сколько кни-иг! – ликует девочка.

– В любое время приходи, читай, – радуется хозяин гостевому восторгу. – И об этом я договорился с вашим директором. А теперь... Поешь все-таки пирожка.

Они возвращаются в кухню.

Пироги с капустой.

– Ты не торопись... уходить, – просит Игорь Васильевич. – Если можно, почитай еще что-нибудь. Катя!– зовёт он от плиты жену.– И ты сядь, послушай.

Лиза тихо, неторопливо читает:

День какой! Весёлый да хороший!
Словно чьей-то сильною рукой
Был кусочек солнца с неба сброшен
И разбит на влажной мостовой.

Среди солнца, от восторга взвизгнув,
Шустрый, голопятый малыш –
Шлёп ногой! И солнечные брызги
Окатали с головы до ног.

И хохочет громко, без смущенья,
Словно сам придумал день такой...
Управляя солнечным движеньем,
Человек стоит на мостовой!

Хозяева долго молчат. Хозяйка спрашивает:

– Кто у тебя родители?

– Папа был военным. Начальник шифровальной службы в Толмачово. Его расстреляли, как врага народа. Мне было два года. Бабушка рассказывала. Мама после этого жить не захотела. Она три года, ждала и плакала. Я её помню только со спины.

– А бабушка?

– У бабушки еще сын, дядя Вася, был. Он инженер и музыкант. Дядя Серёжа – художник. Был. Дядя Валя – стихи тоже писал. Дядя Гера – он помощник машиниста на паровозе. А дедушка мельницы строил... Только дядя Гера остался. И сестрёнка есть. Она где-то в другом детдоме. Не знаю...

В деревне электричества нет. Игорь Васильевич провожает Лизу до ворот детдома. Она идет темным двором, затем отворяет дверь в широкий коридор, освещенный керосиновой лампой. Но не успевает путём переступить порог – из комнаты пацанов вылетает полено...

Левая рука у Лизы тут же виснет. До утра локоть распухает.

Потом медсестра вместе с воспитателем Сергеем Власовичем вправляют Лизе выбитый сустав.

На дворе солнце. А в придверьи медпункта почти темно – нету окон. Кто-то из мальчишек, прикинутый с головою пиджаком, гундосо говорит из угла, когда Лиза входит во мрак:

– Путишь убничать – упьём!

Сволочи

Неделю спустя, в школьном коридоре Игорь Васильевич спрашивает Лизу:

– Ты почему не приходишь?

Потупясь, девочка отвечает:

– У вас сильно чисто.

– Ну и что?

– А у нас в детдоме чесотка. И вши... бывают, – добавляет она.

– Ясно! – говорит директор.* – Тогда сделаем так: на чердаке у нас тёплая комната – буржуйка* стоит... Договорились?

Лиза соглашается, хотя понимает, что пацанья угроза – не пустой звук. От девочек она знает: до Спирика директором детдома успел побывать некий Протасов Егор Лукич. Открылся детдом в мае, а в июне, по судебному протоколу – воспитанники, а по сути – беспризорники, сбросили с яра на камни Сеню Родионова. Сбросили за то, что он видел, как пацаны пытались забраться в сельпо.

Сеню поспешили похоронить на другой же день. Гроб ему наскоро соорудили из досок той уборной, которая, похоже, принимала отходы еще самого купца Афанасьева. Саваном же голому Сене послужила матрасовка – её было проще списать.

Молебном убитому зазвучали слова, кем-то, видать, из девочек положенные на мотив старинной песни «По чужим я дорогам скитался»:

Вот умру на детдомы-ской постеле-е,
Похоронят меня кое-как.
Гроб сколотят из старой уборы-ной
И наденут в полоску мешо-ок... .

На том бы дело и затихло: детдомовскую братву уже бояться.
Она может и дом поджечь, и скотину потравить...

И все же находится кто-то смелый. Хотя и анонимно, но доводит до властей такую беду. Егора Лукича судят и сажают. Взамен присылают Спирика. А пацаны остаются прежней блатвой.

Однако Лиза, несмотря на угрозу, тем же предвечерьем вновь появляется в доме Игоря Васильевича. С его позволения она долго топчется у книжных полок и выбирает для чтения Ги де Мопассана.

У бабушки, в Татарске, тоже было много книг. Был и Ги де Мопассан. Но для Лизы он был запретным. Здесь же хозяева лишь переглянулись с улыбкою.

Но Мопассан Лизе не понравился. В следующий раз она принимает с полки Библию.

Книга огромная, со множеством красочных изображений. Она призывают девочку войти в суть ими проявленного, да только изложение для Лизы малопонятно.

На помощь приходит Игорь Васильевич. Он вовремя поднимается на чердак и поясняет:

– Это старославянский язык. Давай так: ты читаешь, а я поясняю. Только не торопись. Эту книгу нужно читать всю жизнь!

По страничке!

С подачи Игоря Васильевича девочка скоро уясняет себе, что на Земле есть люди, сотворенные Богом, а есть те, которые произошли от обезьян. В них, как в любом животном, нету совести. Они не способны оценивать качество своих поступков. Их поведение зависит от чужой воли. На какие бы высоты существа эти ни поднимались, с настоящим человеком честью они никогда не уравниваются.

И еще Лиза усваивает то, что Бог – это некая энергия, способная из ничего сотворить всё! А любое земное созидание пригодно лишь

для того, чтобы открывать миру уже готовое. Но следует знать, что всякое такое открытие опасно одержимостью!

Без Игоря Васильевича Лизе, пожалуй, ничего подобного и в голову бы не пришло.

А он словно торопится передать ей собственное миропонимание.

В тот день, когда он сказывается больным и не поднимается на чердак, Лиза находит на заложенной странице Библии письма Ленина, адресованные Дзержинскому и Крыленко.

Лиза потрясена тем, что в каждом из писем – расстрелять! расстрелять! расстрелять! Из этого следует, что не только Сталин – враг народа?!

На другой день письма исчезают.

Должно быть, из уважения к директору школы пацаны обижают Лизу больше не решаются. Зато они бьют каждого, кто с нею заговаривает.

Однако Лиза увлечена не только Библией: с нею Беляев, Жюль Верн, мифы Греции...

И девочки после отбоя с удовольствием слушают пересказы ею прочитанного.

Лиза не стесняет себя в изложении: чужой вымысел ею переиначивается, дополняется... Она сама не замечает своей фантазии. Просто живёт ею. И этой жизни хватает ей вполне!

Игорь Васильевич по-прежнему приветлив. Насчет писем, однако, ни слова! Лиза тоже помалкивает. Но из этого взаимного недоговаривания перед её воображением вырастает кирпичная стена. У стены – отец! На его груди уже сияет кровавая звезда. Но отец не падает!..

Лиза оттого знает, что и она никогда в жизни не упадёт!

И тогда в голове её вдруг поселяются строки:

Убили медведицу! Просто убили!
И люди, как будто бы, добрыми были.
И, силясь понять отношение взрослых,
Скулил медвежонок, прижавшись к берёзке...

Строки приходят сверху и на том заканчиваются. Но Лиза уверена, что рано или поздно они примутся нисходить постоянно, что она всегда будет готова их воспринимать...

В классе Лиза сидит за партой у окна. День ясный! Скоро весна! У Ирины Еремеевны простуда. Урок ведёт Игорь Васильевич. Однако Лиза его не слышит. В ее сознании звучит иной голос.

На днях Игоря Васильевича не было дома – уезжал в район. Екатерина Трофимовна его жена, суежилась во дворе. Потом она с кем-то заговорила, а потом как отрезала:

– Оставьте меня в покое!

– Ну, что ж! Ладно! Оставлю! – отозвался мужчина, и Лиза узнала по голосу воспитателя детдома – Сергея Власовича.

Калитка тогда захлопнулась, Екатерина Трофимовна воскликнула – сволочь! и заплакала.

И теперь услышанное ею мешает Лизе усваивать уроки. Тревожит. Ей трудно понять, что такое смятение называется предчувствием.

А день ясный-ясный! Скоро весна! Во двор школы въезжает крытый грузовик. Из его кузова выпрыгивают вооруженные люди.

Игорь Васильевич направляется к двери – узнать: в чем дело? Но люди уже врываются в класс. На глазах у ребят они закручивают директору за спину руки. Волокут его к порогу...

Лизе понятно всё! Она кидается следом, но кто-то сильный хватает её за плечи. Удерживает. Она пытается вывернуться, кричит:

– Это Сергей Власович!

Игорь Васильевич успевает ответить:

– Я знаю, девочка.

А девочка продолжает биться, кричать:

– Сволочи! Сволочи!

Сволочь, что удерживает Лизу, бьёт её по голове. Удар настоящий! Она падает. Кто-то грузно убегает. Ребята помогают ей подняться. И она видит в окошко отъезжающий грузовик...

Как бы тогда людям ни задурали головы тем, что Игорь Васильевич оказался немецким шпионом, Сергею Власовичу пришлось покинуть деревню.

Как не покинешь, если утром третьего дня он обнаруживает у своих ворот свежесколотенный гроб!

Поехали

Лиза стоит перед столом директора. Спирик сидит – развалился. Говорит:

– Арестовали Игоря Васильевича, значит, есть за что! Я запрещаю тебе ходить к нему домой!

При слове “запрещаю” кулак директора ударяет по столешнице. Но девочка не боится спросить:

– Почему?

– Потому! – с нажимом отвечает Спирик и словно сам себе тихо поясняет: – Снюхались!.. Вражья порода!..

– Сам ты... – так же тихо говорит Лиза.

Но у Спирика отменный слух.

– Ш-што-о?! – шипит он и приподнимается.

Девочка глядит в его злую физиономию и дерзит:

– Ш-што слышал!

Директор краснеет, нависает над столом, орёт:

– Да, да ты как разговариваешь со мной?!

– Как ты, так и я, – слышит Спирик.

За его спиной – солнечное окно. Уши у директора торчат красными крылышками. Горят, словно надранные. Очень смешно. Лиза хихикает. Спирик беленится:

– Да я тебя в подвале сгною!

– А я убегу! – заявляет Лиза. – В милиции навру, что ты плохо о Сталине говорил.

«Крылышки» разом меркнут. Переносица потеет, Спирик опускается на стул. Нижняя челюсть выползает из-под верхней, и рот выдавливает через губу:

– Пошла вон!

Директор Лизу больше к себе не вызывает. Но с того дня она то грязную тряпицу в тарелке обнаружит, то в раздевалке

располованное пальто... Валенки в сушилке зачастую оказываются на полу... Всё это, конечно, не дело рук самого директора, но почему этого не происходило прежде?!

А на днях в её школьной сумке комиссия обнаружила табак...

Комиссия часто ходит по спальням – наводит шмон, пока ребята завтракают. Сам директор, кастелянша и кто-либо из воспитателей проверяют тумбочки, ощупывают подушки, ворошат матрасы...

А сегодня и ворошить ничего не пришлось. Достаточно было Спирику откинуть одеяло, как перед глазами комиссии предстала мокрой вся середка Лизиной постели...

Когда, уже сиротой, Лиза жила у бабушки в Татарске, она часто плакала, если видела на улице калек, которых всё множила, и множила война. Они сидели у магазинов, у киосков, на рынке... Пели жалобные песни. Особенно одну:

... А в ответ мне жена написала,
Что не нужен калека ты мне –
Мне всего только двадцать три года
И я в силах еще танцевать,
Ты приедешь ко мне, как колода –
Только будешь в постели лежать...

Лиза слушала, песни и мыслила такими картинками, которых сама страшилась.

Но и радоваться Лиза тогда умела. Особенно когда играла с рыжей дворнягой Каштанкой. У нее с собаками была взаимная любовь.

С подружками в «домики» она не играла. Но стоило им соорудить где-нибудь уют, Лиза брала котомку и шла «побираться»... Голос у неё был неплохой, и она при этом пела, как настоящая кусошница:

Мать, отец и дочь жили весело,
Но изменчива злая судьба,
Надсмехалась над малюткою –
Мать в сырую могилу ушла...

Но чаще всего Лиза сидела в избе за сундуком и шептала. Ей нравилась играть со вновь узванными словами. Она собирала их на

улицах, в очередях, по радио... Легко запоминала. Шептала и прислушивалась к их звучанию. Затем раскладывала по слогам, улавливала в частях иной смысл. Например, слово «коммунисты» в её толковании звучало «кому ни сты-дно» или слово «победа» толковалось как понятие «по бедам», или революция состояло из «рёва людского»...

Присказки, поговорки, песни увлекали её порядком сложения, созвучием окончаний. В этот животворный мир слов она пыталась внести и свою долю. Позже она напишет строки, которые определяют её судьбу:

...Здравствуй, лучший мир поэта!
Я явилась не гостить,
Не затем, чтоб кануть в лету,
Жить в тебе! Тобою жить?

В детдомах Лиза разучилась и плакать, и смеяться.

И вот она стоит в спальне, куда приволокла ее Нина Ивановна. Стоит у мокрой постели и шепчет. Ей хочется сказать, что до завтрака тут было сухо, но Нина Ивановна устроена так, что верит лишь плохому. И девочка спорит с нею в себе.

– Молишься, что ли, сочинялка хренова?! – орёт воспитательница.
– У! Зассыха чертова! Неси матрас на улицу!

Но Лиза не торопится подчиниться приказу. Она думает, что ребята и хотели бы, может, сподличать, да не могли – все они были в столовой. И Нина Ивановна, похоже, ни при чем – вон как орёт! Но кто-то же налил столько воды, что и под кроватью сыро”? Неужели Сам...

А Спирик уже сидит в своём кабинете. У него уже собирается совещание. Он уже сильно уважает свою занятость.

По правую руку от него притихли истопник и завхоз, по левую – повариха и кастелянша, напротив – воспитатели. Нет среди них только Нины Ивановны. Её ждут. Но наперед её врывается в кабинет Лиза. Она останавливается против Спирика; глядит ему прямо в лицо. Она помнит из «Маугли», что всякий зверь не выносит человеческого взгляда.

И Спирик отводит глаза.

– Шакал! – громко говорит девочка и разворачивается уйти. Да на пороге сталкивается с Ниной Ивановной. Отскакивает от нее, как ошпаренная, и только потом исчезает за дверью...

Воскресенье. Но кастелянша на месте. А у Лизы опять разорвано пальто. Надо починить. Она никак не хочет ходить оборванной.

– Ох, Лизавета! – говорит кастелянша. – Что ж ты так... с директором-то обошлась? Не опасаясь нисколько... А он, у-ух! Злопамятный! А пальто что у тебя... Седни-завтра... Драньё и драньё... Хорошо еще, что сама чинишь... А мне и выходного нету. Поутру завхоз собирается в Татарку. Заодно – и бельё на прожарку свезёт. Не то вши заедят... Надо всёшеньки сложить, сосчитать, записать... Успеть прожарить до бездорожья. А то как весна возьмется, тогда по нашей грязи и на тракторе не проползёшь.

Она говорит, говорит... Лиза от неё узнаёт, что завхоз в район отправляется чуть свет, что едет он в розвальнях, запряженных детдомовской конягою Веркой. Что у него есть ружьё от волков.

Оч-чень хорошо!

В постель Лиза ложится одетой, но не спит. Наконец понимает – пора! Обувается в сушилке. В раздевалке её пальто висит первым...

И вот она уже торопится через темный двор. Пока никого поблизости нет, Лиза ныряет под узлы, уложенные в розвальни кастеляншей, и скоро слышит:

– Но-о, Верка! Поехали, родимая!

Я – дочь врага народа

Прожарка во дворе городской бани. От бани до вокзала – рукой подать, по это по главной по Володарской улице. А там милиция! А в кутузке Лизе сидеть некогда. Она едет в Москву. Ей надо сказать прямо в лицо Сталину об отце, о матери, о Игоре Васильевиче... И пусть у нее на груди вспыхнет кровавая звезда. Лиза умрёт стоя! И она идет татарскими задворками, где колдобины и рытвины такие, словно дороги подняты зимней вспашкою.

День пасмурный. На вокзальных часах около десяти. В зале

ожидания сумеречный холод. А народу! – собака не проскочит, как бы сказала бабушка. В окно виден пустой перрон...

Лиза устраивается на полу, возле спящей старушки, и начинает себе кимарить. Она успокоена тем, что ее могут принять за старухину внучку. В дремоте своей она идет в Москву прямо по шпалам. Рядом с нею шагает Сталин. Она говорит, но голос её шумит речным перекатом. Сталин явно ничего не понимает, и она насккивает на него с кулаками. Он отталкивает её от себя и гудит паровозным гудком...

Лиза просыпается. Люд вокзальный всполошен. Хватает пожитки. Всяк надеется опередить ближнего – поскорее вырваться на перрон, где стоит Пятсот Веселый ...

У дверей давка. И девочка ныряет вниз – под ноги. Люди боятся воров. Оттого между полом и поднятым до животов скарбом довольно просторно. И девочка скоро оказывается на платформе.

Февраль сорок пятого. Поезд один, народу – тысячи! Все куда-то спешат. Большие ругаются, маленькие вопят, милиция орет. Паровоз пускает пары. Снег идет стеною...

И никому нет дела до того, что девочка лет десяти довольно ловко влезает на крышу вагона... Наверху она ложится ничком и шепчет:

– Поехали, што ли!

Наконец паровоз гудит, вагон дергается. И сразу же навстречу ветер, дым вперемешку со снегом, стук колёс: та-та-та, та-та-та.

Скоро наваливается дремота. В голову западают слова бабушкиной песни:

...Ванька-ключник, злой разлучник.

Разлучил князя с женой.

...Ванька-ключник, злой разлучник.

Та-та-та-та, та-та-та ...

Лиза не чувствует, когда поезд останавливается. Кто-то снимает ее с крыши. Она плывёт куда-то. Потом оказывается в белой комнате. Там высокий милиционер в погонах спрашивает белого же старичка:

– Как тут наша, лягушка-путешественница?

– Слава Богу, товарищ майор, – отвечает старичок. – Проснулась. Не обморозилась. Пусть немного побудет здесь. Посмотрю, может, простыла...

Девочка лежит на кушетке. Майор подсаживается, спрашивает:

– Что, красавица? Очухалась? Куда путь держим?

– Куда надо, – грубо отвечает Лиза.

– А куда тебе надо? – не обращает он внимания на её тон.

– К Сталину! – тем же голосом сообщает девочка.

– Вот как! – вступает в разговор доктор. – Я не ослышался? Тогда тебе следует сейчас лежать в Омске, а не в Барабинске. В другую сторону поехала, матушка.

«Матушка» не верит, майор поддакивает доктору:

– Да, да! Так оно и есть.

Лиза ни о чем больше не хочет говорить. Слезища сползает с ее щеки на подушку...

Скоро майор опять навещает Лизу. Приносит булочку и стакан чаю. Просит её хорошим голосом:

– Ты, пожалуйста, подожди меня. Не убегай. Ладно? Поговорим. Ладно?

– Подожду, – обещает Лиза.

– Я тебя в гости домой приглашаю. Пойдёшь?

– Пойду.

У двери он оборачивается и сообщает:

– Меня зовут Ильёй Денисовичем. А тебя?

– Олей, – врёт Лиза.

Илья Денисович вскидывает брови, улыбается и выходит. Потом они идут по вечернему Барабинску. Илья Денисович пытается узнать:

– Откуда ты взялась?

– Из детдома сбежала, – откровенно признается девочка.

– Что? Плохо там?

На этот вопрос он ответа не получает, но спрашивать продолжает:

– А до детдома ты чья была?

– Я? – глупо переспрашивает Лиза и, досадуя на себя, выпаливает:

- Я – дочь врага народа!
- Вот как! Ты об этом всем сообщаем?
- Не всем, – потише говорит она.
- Чем же я заслужил такое доверие?
- Вы? – уже шепчет Лиза, – вы... Вы как мой папа...

Майор долго молчит. Светит луна. Поскрипывает снег. Деревья в куржаке...

– Я прошу тебя, – наконец говорит Илья Денисович. – Прошу! Никому и никогда не говори об этом. Я думаю, что время твоё придёт...

Лиза последних слов не понимает, но кивает, соглашаясь.

– Ну вот, – сообщает Илья Денисович. – Пришли...

Дом его – это сени, кухня и комната. С порога кухни Илья Денисович кричит в комнату:

– Оля! Мы пришли.

– Слышу, – доносится ответное и в кухне появляется Оля. Шаль на ней большая. Сиреневая. Волосы ото лба зачесаны назад. На затылке собраны в узел.

Есть лица красивые, есть безобразные. А есть родные. О таком лице Лиза очень соскучилась.

Когда Оля подходит помочь ей раздеться, Лиза ловит её руку и на миг прижимает щекой к ладони.

Тут же пятится к двери. Но Илья Денисович подхватывает её, приподнимает, велит:

– Стряхивай пимы!

– Две Оли, – говорит за столом Илья Денисович, – как же мне вас называть:

– Оля-маленькая. Оля-большая, – советует Оля-большая.

– Так вот, Оля-большая, – обращается он к жене. – Пока ничего не делай. Уложи её спать. А утром в баню сходите...

Лиза быстро засыпает. Но скоро просыпается, детдомовские ребята всегда настороже. Они всё слышат. Слышит и Лиза. На кухне идёт разговор:

– Ты согласна? Девка, что надо!

– Конечно! – отвечает Оля. – Мы же договорились.

– Вот и отлично! – бодро говорит Илья Денисович. – А оформить усыновление – это я берусь. Ты с нею утром поговори...

Лизе очень хочется остаться. Но ей нужно в Москву! Нужно... И утром Илья Денисович с большою Олею девочку в доме не находят...

Марфутка ничейная

И опять ветер. И опять снег. И паровозный дым...

На этот раз Лизу милиция высвобождает из уголка платформы, на которой уложен сосновый кругляк.

Идёт очередная облава.

Лизу ведут через железнодорожные пути к приземистому вокзалу. На его вывеске зелёным по белому написано, что перед девочкой всё та же самая станция Татарская.

В милицейской комнате, кроме нее, пацан и девочка лет шести. Девочку спрашивает сидящий за столом дежурный:

– Как тебя звать?

– Катя. Екатерина Антоновна Жихарева.

– Умница, – хвалит её дежурный и записывает ответ. – Как в беспризорных оказалась? – спрашивает.

– Я не оказалась. Меня лечили тут. В госпитале.

Девочка показывает до того спрятанные в рукавах руки, у которых нет обеих кистей.

Дежурный кряхтит, кашляет. Хрипло осведомляется:

– Отморозила?

Катя отвечает спокойно – привыкла отвечать:

– Фашист отрубил. Он хотел мою Поварёшку убить, а я спасла.

– Поварёшка – это кто?

– Кошка.

Дежурный клонится лбом на пальцы подставленной руки. Покачивается, бормочет:

– О, Господи! Твою мать!..

Потом он глубоко вдыхает, отдувается и снова спрашивает:

– А родители где?

– Маму другой немец застрелил. Она того фашиста палкой убила. А папа – лётчик! Он меня найдёт. Я уже вылечилась.

– Конечно! А то как же... А как ты здесь оказалась?

– Тётя Гуля тут живёт, у меня больше никого нету. Она раненых возит. Я из госпиталя к ней запросилась, а мне не разрешили. Отпустили погулять. А я убежала. А меня поймали.

– Понятно, – говорит дежурный. – А где раньше-то вы жили?

– В Аксае. Под Ростовом.

– Умница. Всё знаешь. Молодец!

– А тебя как зовут? – обращается дежурный к Лизе.

– Я все равно обману, – отвечает та.

– Дело твоё... Как хочешь. Тогда я запишу тебя Марфуткой Ничейною.

Лиза не возражает...

В детприёмнике тесно. Почти все ребята спят по двое. Лизе определили кровать вместе с Катей. Ей велено, как старшей, помогать бедняге. А то бы она, прям-таки, сама не догадалась! И вот уже две недели, как у Лизы нет возможности убежать. Она не в силах оставить Катю без своей помощи.

Железная дорога от детприемника недалеко. И днем, и ночью и теперь – в сон-час, Лизе навязчиво лезет в сознание стук вагонных колёс: та-та-та, та-та-та, ты-ку-да, ты-ку-да...

Катюша худенькая, беленькая, тёпленькая. Сестричка, да и только. Прижалась. Обняла Лизу кульями. Спит. Огромные её глаза прикрыты синеватыми веками. Под веками быстро-быстро бегают зрачки. Паровозный гудок гудит: в пу-у-ть...

Катя вздрагивает. Садится, будто не спала. Распахнутыми глазами смотрит на Лизу и вдруг говорит:

– Папа идет!

– Ложись. Успокойся, – пытается Лиза уговорить девочку. – Это колёса стучат, – говорит она и тут сама слышит шаги по коридору. Решительные, не женские. Все ближе.

Дверь распахивается. На пороге лётчик!

Прошло три дня. Впечатление немного сгладилось. Но не для Лизы. Она тоскует.

Эх, Катя! Даже не попрощалась!

В детприемнике нет школьных занятий. Ребята целыми днями болтаются сами по себе в пределах глухого, точно тюремного двора. Ждут распределения.

Лизе утром повезло стибрить у сторожа газету. Теперь она сидит на собачьей будке и читает. Хозяйка будки строгая, но Лиза её любит и собака это понимает. Она рычит на сторонний голос, и девочка слышит, как воспитательница зовет ее:

– Ничейная! Иди сюда!

Лиза следует за воспитательницей в кабинет директора.

Там Катя. И ее отец. Он указывает на дочь, а говорит Лизе:

– Она не хочет без тебя уезжать. Поехали с нами. Ты не спеши отказываться. Подумай. А мы завтра еще придем...

Лиза растеряна. Воспитательница, твердит:

– Куда собралась, дура! Всю жизнь будешь ей трусы надевать... И директор туда же:

– Он молодой, красивый! Если женится? Кто ты будешь для мачехи? Пришей кобыле хвост?

Однако Лиза упорствует, хотя понимает, что они по-своему правы.

В тот же день в детприёмник приносят документы о распределении ребят по детдомам. Лиза узнает, что завтра ее направляют в Бердск.

– А Кате скажу, – обещает директор, – что ты опять сбежала...

Ну и что?

Июль. Вечер. Таёжная просека. На дороге две девочки. Одна из них – Быстрикова Лиза. Она шагает босиком – натёрла ноги. Шнурками связанные ботинки переброшены через плечо. Платье великовато. Голубые цветы на нем линялые.

Лизе скоро тринадцать, но ростом она не особо удалась. Другая девочка – Полина Польских. Она явно младше Лизы. И платье на ней поновей. И обувь не казенная – красные туфли.

Полина боязливо жмет к Лизе, часто оглядывается. Лиза говорит ей:

– Перестань озираться! Она и не думает нас догонять. У нее с шофёром шуры-муры...

Но младшей не до увещаний. Она хнычет:

– Есть хочу.

– Ну и что? – удивляется Лиза, – Терпи. У тебя первый детдом, а меня уже в шестой направили. Думают, что я с такой дали не убегу.

– А как ты убежишь? На машине и то два дня ехали.

– Это по грязи... Тут как пройдут дожди – черт ногу сломит, – бабушкиными словами говорит Лиза. – А посуху...

Она машет рукой, дескать, посуху ей пробежать от Кыштовки до Татарска – раз плюнуть. Но Полина противится:

– Шофёр говорит, что тут далеко. Двести километров с гаком!

– Я и без него знаю... Ну и что?

– Не убежать, – говорит Полина. – Поймают.

– Пусть тогда на себя пеняют. Сами будут рады от меня отделаться...

– В детдоме сильно бьют? – спрашивает Полина.

– Узнаешь, – отвечает Лиза и досадует. – Да не оглядывайся ты! Гуляет наша воспитуха...

– А если медведь?!

– Ну и что? Сожрёт. А документы наши выбросят. И все!

Полина плачет.

– Не реви! – говорит Лиза. – Вон уже крыши видать. Пришли!

Дома в селе добротные. Захудалые избенки редки. На чистой, широкой улице ни собак, ни скотины.

Детдомовские ворота глядят на сельскую площадь, где стоит деревянная церковь без крестов, но с вывескою «Клуб».

Усадьба детдома огорожена заплотом из двойного горбыля. Централ, а не детдом! В плотных воротах прорезана калитка. Она заперта, Лиза стучит.

Тут же над забором вырастает лысая голова и спрашивает пацаньим голосом:

– Чо нада?!

– Директора зови! – так же грубо отзывается Лиза. Голова разворачивается во двор и кричит:

– Колька, позови Бульдога. Тут новенькие...

И сразу же поверху забора возникают, будто насаживаются, лысые головы. Они принимаются язвить:

– Опять... Недоделки-мокрошелки...

– Крысы навозные...

Покуда калитка медлит отвориться, девочки становятся и солёными мартышками, и общипанными курицами, и еще черте кем.

В прощелину скупой отворенной калитки высовывается так-таки бульдожья голова. Нос у нее пяточком, щеки отвислые, подбородок до второй на рубашке пуговицы. Однако же голова не лает. Наоборот. Спрашивает задушевно:

– Вам кого, милые?

– Директора, – отвечает Лиза.

– Я – директор.

– А мы – новенькие.

– А где сопровождающий?

– Осталась в Кыштовке. Утром будет.

– А документы где?

– У неё.

– Тогда извините. Без документов я не имею права вас принять.

Калитка затворяется, и это вызывает в лысых головах улюлюканье.

Подвернувшимся под руку камнем Лиза запускает в них. Головы осыпаются во двор...

Звучит голос горна.

– Это вечерняя поверка, – сообщает Лиза. – Скоро отбой.

Она идет от калитки, поворачивает за угол забора. Полина плетется следом. Хнычет.

– Подбери сопли! – со злостью говорит Лиза. – А то узнаешь, как в детдоме бьют!

Девочка затихает, а Лиза показывает рукой и говорит:

– Во-он густые лопухи. Пойдём туда. Спать охота.

Уже давно

Полина спит. Голова её покоится на Лизиных коленях. Ни комары, ни ночная прохлада, ни голод сну её не помеха. Лизе скучно и завидно. Со сном у неё с детства нелады... Малейший толчок или звук – его как рукой снимает! Странно и то, что в любой момент ночи Лиза способна без часов определить время.

Сейчас где-то половина первого. Ночь июльская. Не белая, конечно, но и не слепая. Тишина. Птицы, собаки, ветер – всё оцепенело. Разве что спросонья стрекотнет в траве кузнечик. Или в близкой тайге крикнет филин...

Однако Лизу надо умудриться напугать. Она давно отбоялась. И все же к ночи не прислушивается только дурак.

Девочке грезится, что она слышит, как по земле идут секунды: тик-так, тик-так, тики-таки, тики-таки...

Вдруг секунды сбиваются с ритма, и до Лизы доходит пацаний шепот:

- Да я видел. Сюда они пошли!
- А если она загнала уже ботинки?
- Ты чо? Когда, бы она успела?
- За них буханки две дадут!
- Чо две! Три будем просить.
- Четыре не хочешь?
- Тише ори!
- Да они дрыхнут без задних ног. По тайге-то пёхом шли...
- Давай тут посмотрим...

Лопухи шуршат всё ближе,

Лиза перекладывает голову Полины с колен на землю. Развязывает на ботинках шнурки. Зажимает в руках голенище одного башмака. Становится на колени. Ждет.

Вот в прёме раздвинутого репейника белеет охотливое рыльце. Лиза подошвою ботинка изо всей силы лепит на него свою печать.

– Н-н-а! – говорит.

Пацан орёт, матерится. Зажимает морду руками и не может понять – на что напоролся.

Лиза не медлит. Она мигом седлает посягателя. Сцепливает босые ноги у него под грудью. Хватает за уши. Тянет на себя.

Пацан вопит. Валится на дорогу. Пытается кататься. Но всё без толку. Лиза давно научена всем воздавать по заслугам... Так что в очередной детдом она является не только с ботинками, но и с боевым опытом...

Пацан верещит так, что округа занимается собачьим лаем. Блеют по стайкам овцы. Гогочут гуси...

Через дорогу семенит старуха с огромной палкою. Лиза вскакивает, пинает пацана и кричит:

– Атас!

Тот подпрыгивает и пропадает в ночи. Старуха приближается с руганью:

– Каку халеру не подялили?

Она присматривается к Лизе. Спрашивает:

– Чой-т тябе ня знаю, деука? Новенька ли чо ль? Ет не тябя ли Бульдог казенный ночевать не принял? А ишшо к детям приставлен! Паразит! А подружка иде твоя?

– Спит, – показывает Лиза на лопухи.

Бабка идет к зарослям, сама говорит:

– Здорово ты Дяниску отбуздыкала! Тяперича дяржись! Ён в детдому за первого состоит. А ты яво к ногтю!... Молоде-ец! Только ён подчиняться не привык...

У лопухов она отбрасывает в сторону палку, велит:

– Буди подружку-то. Айда ко мне.

– Она крепко спит. Не добудишься.

– Давай што ля – на руках понясу.

Но Полина не спит. Она сидит у заплота и тихо плачет и говорит:

– Я тоже умею драться.

И все хохочут.

В доме пахнет мятой и полынью. На шестке, в чугунке, прикрытом сковородкою, горячие угли. От них в руке хозяйки вспыхивает лучина. От лучины – каганец.

Электричества в селе нет. На печном выступе лежит несколько коробков спичек. Но их, видно, экономят.

Хлеб, вареная картошка, молоко. Чего еще?!

Потом овчинный тулуп по полу. Цветастые подушки – из каждой можно сделать перину. Поверх – лоскутное одеяло...

– Продрогли на росе, – приговаривает хозяйка. – Спитя, ложитесь. И я туда же. А то рано вставать. Меня зовут Калиновной, – сообщает она уже в темноту. А Лиза вдруг вспоминает, что пацанов-то было двое! Один, видать, сразу смылся.

– Вот зараза! – шепчет она и засыпает.

Утром Лиза просыпается оттого, что Калиновна, под лай собаки, шумит во дворе:

– Ты пошто, сучонка, дятлей одноих по тайге отправила?! А ну иди отселева! Куды прёшь?! Не дам девок будить! Пушай отоспятся.

– Столько времени меня машина ждать не станет, – слышит Лиза голос сопровождающей.

– Пождёт, не лопнет! Как в любовь играться – время есть! А тут приспичило... Пушай не ждет. Ты и пёхом до Кыштовки отлупишь. Не барыня. Пошла, говорю, отселева! Сшас кобеля спущу!..

Лиза потягивается под тулупом и улыбается.

Под шумок

Кастелянша – особа томная, прическа – белокурой волною. Но почему-то с именем Зухра Каримовна. Она выдает девочкам по платью и трусам – всё ношеное. Велит переодеться. Заодно со снятой одеждой забирает у Лизы ботинки. Говорит, что так они лучше сохраняются. Выдает постельное бельё. Разводит новеньких по палатам: Полину – ко младшим девочкам, Лизу – к старшим.

В спальне десять кроватей. И опять круглая печь. И ночное ведёрко в уголке у двери. И прикроватные тумбочки – одна на двоих...

Кажется, что этот казарменный быт следует за Лизою из детдома в детдом.

Зухра Каримовна определяет ей место и удаляется на звонких каблучках. Лиза остается заправлять постель.

В тумбочку ей положить нечего. Ни зубной щетки, ни носового платка. Полотенце же следует вешать на спинку кровати – в изголовье. В это время кто-то входит в палату и за спиной Лизы говорит:

– В спальне положено находиться только во время сна. В постель ничего не прятать. Под кровать ничего не ставить. Отбой в десять часов, подъём – в семь. Баня – по субботам. На проверку не опаздывать! Меня зовут Клавдия Семеновна Гурьева. Я – подменный воспитатель! У вас – Мажаров Александр Григорьевич. Он болеет. А теперь освободи спальню!

Лиза выслушивает воспитательницу молча, не оборачиваясь. А потом видит у порога конопатую, рыжую деваху – розовый нос пипкою, глаза – желтенькие пуговики. Губы оладьями.

Лиза проходит мимо. Ей очень хочется ущипнуть деваху за ляжку потому, что нельзя быть такою некрасивой. Но тут же она вспоминает горбатого Игоря Васильевича и заменяет лихое суждение верным: нельзя быть такой злою.

– И я – злая, – уже в коридоре шепчет Лиза. – Днянису вон как отбुздыкала, – тихо пользуется она произношением Калиновны. – И ляпёху ету рыжую сразу невзлюбила. За что?

Продолжая рассуждать, она вспоминает Лидию Кранидовну – директора своего первого детдома. Та как-то сказала, что у Лизы вся порода такая...

– Какая? – спрашивает себя Лиза, и слышит ответный вопрос:

– Глухая, что ли?

Лиза видит, что стоит у открытого окна. Корпус детдома построен буквой «п». Перед окном – внутренний дворик. Он пуст. Лишь светленькая девочка у подоконника. Она тихо говорит:

– Сёдни ночью пацаны собираются тебе темную играть.

Лиза знает, что «тёмная» – это когда со спины на жертву набрасывается матрасовка или одеяло, чтобы избиваемый не видел своих палачей.

На вечерней поверке Клавдия Семеновна выкликает:

– Толя Аверик!

Толя делает шаг вперед и зычно отвечает:

– Я!

– Боря Астахов!

– Я!
– Лиза Быстрикова!
Лиза порядок знает.
– Я!
– Еще шаг вперед! – приказывает воспитательница. – И погромче. Пусть ребята с тобою познакомятся.
Лиза шагает, оборачивается к строю, орет, что есть мочи:
– Я-а-а!
Становится очень тихо, и она говорит дальше, почти спокойно:
– Я – Быстрикова Елизавета Леонидовна. А кто собирается меня сегодня побить – выходи!
Никто не выходит, а воспитательница раздраженно велит:
– Встань в строй!
– Есть! – отвечает Лиза и занимает своё место.
– Коля Волков! – продолжается перекличка.
– Я!
– Денис Дроздов! Где Денис? Дежурный, отвечай!
– Болеет.
– Хорошо. Проверю! Нина Дроздова!
– Я!
– Павел Дроздов!
– Я!
– Боря Зевакин!..
И так до Югурина.
Потом – гимн! Потом – горн. И отбой.

Место Лизы в спальне оказалось рядышком с Машей Сушенковой, тою девочкой, что предупредила её о «темной». Теперь Маша лежит в постели и шепчет:

– Их трое – Дроздовых. Нинка – в другой спальне. Она мочится. А потом меняет матрас у кого захочет. Если не дашь, то Пашка с Денисом отлупят.

Она замолкает – идёт обход.

В спальню входит сам директор, Клавдия Семеновна и сторож. Оказывается, что делать обход по одному они боятся: «тёмную» пацаны могут сыграть не только сверстникам.

Некоторым из них близко к четырнадцати, но почти все – двоечники. У всех по три-четыре класса. Однако директор перед ними заискивает.

Директора хотя и зовут Бульдогом, но кличке соответствует лишь его физиономия. Иначе бы его звали Шариком, поскольку он черен, мал ростом и пузат.

После обхода корпус запирается изнутри. Директор идет отдыхать домой – в казённый особняк, построенный тут же, на территории детдома... Сторож следует к воротам, где поставлена теплая будка. Дежурный же воспитатель затворяется в кабинете директора и делает вид, что не слышит того, что происходит после отбоя между ребятами.

Так поступает и Клавдия Семеновна.

А сумерки сгущаются.

Кто-то из девочек идет за дверь, но тут же возвращается и кричит:

– Атас!

Одеяла летят прочь. Откуда-то появляется палка. Она накладывается поперек дверных косяков. Загодя приготовленной веревкой, за ручку, дверные створки притягиваются к палке. Только продушина, на месте бывшего нутряного замка, остаётся зиять наружу.

А пацаны уже беснуются за дверью. Они матерятся и грозят в дырку:

– Катька, с-сука, лучше отвори!

– Сонька! Лучше открой!

Чтобы заглушить угрозы, девочки начинают петь. Поют враздёр:

Атанда шла злая и вдруг он упал
И кровь унимая, упрямо сказал:
– Держитесь, девчонки, – вы смелый народ!
Держитесь покрепче и враг удерёт...

Лиза узнает переиначенную песню войны.

За первой песней следует другая, тоже переделанная из фронтовой:

Десять русских дочере-ей – дети русских ма-атерей,
Как сестры родные – друзья фронтовы-ые
Сражались за счастье подру-ужки своей...

Отчаянный ор наверняка слышен в кабинете директора, да и в особняке, да и у ворот. Но все оглохли.

Пацаны ломаются. Веревка слабеет. Пошла в дело чья-то простыня. Но в дырку просовывается железный прут, выдернутый из кроватной спинки. Его конец раскалён. Мальчишки для этого растопили в коридоре печь. Простыня дымится! Воды нет! Девочки поочередно писают в ведро – заливают паленое...

Лишь рассвет унимает осаду.

А утром село узнаёт, что директор детдома заодно с белокурою кастиляншей Зухрою Каримовной ночью, под шумок, очистили все кладовые: американские подарки, на неделе полученные, и советское тряпье, на детдомовской трёхтонке протемнили в неизвестность мимо в дугу пьяного сторожа.

Понаехала милиция. Сторожа арестовали, хотя он уверял:

– Ето ж Бульдог меня до смерти упоил...

Однако ни Бульдога, ни его подельницы, ни Лизиних ботинок так и не нашли.

Штанодёр

Новый директор, волнуясь, то и дело подёргивает локотками, словно подхватывает штаны.

Цыганистый, матёрый Виктор Петрович, или попросту Цывик, воспитатель старших пацанов, живо отзывается на его нервозность:

– Ё-о! Штанодёр!

Цывик прибыл в село тоже не так давно. С исчезновением Бульдога занемог желанием стать главою детдома. Но прислали Синицкого Зяму Исаковича и ему пришлось “выздороветь”. Зато уж прозвище к директору пристаёт намертво. Покуда Штанодёр вникает в дела, продукты, что прежний директор не одолел умыкнуть, заканчиваются. Остается горох да овсянка. Да еще чужие огороды.

Селяне знают, что детдомовские перемены чреватые вольницей... Однако ребятам ведом край. Покладистых они щадят – грабят с уважением. Жалобщиков не милуют.

Девочки редко «огородничают». Но на этот раз голод их вывел на чужие грядки. А хозяйка попадаетеся сутяжная. Она прячется в картошке, запоминает имена и утром докладывает директору.

На линейке Гукся, или все та же Гурьева Клавдия Семеновна, выкликнет:

– Катя Мальцева, Поля Трапезникова, Лиза Быстрикова, Маша Сущенкова – после завтрака к директору!

Но девочек Штанадёр принимает лишь вечером. И начинается:
– А ваши отцы... А ваши матери... За родину... За Сталина... А вы тут людей грабить!.. Воры!

– Сами вы... – громко говорит Лиза в спину, туда-сюда ходящему по кабинету директору.

Тот останавливается. Вглядывается. Угадывает Лизу по глазам. Говорит:

– Ты, я смотрел, беспризорная у нас? Народ тебя пригрел. А ты?! Чем ты его благодаришь?

Ответа он не ждёт. Продолжает ходить и рассуждать. Он умудряется почти каждый звук ставить под нажим. При этом кивает головой и подёргивает локотками. Украдкой девочки подражают ему и хихикают.

– Смешно? – спрашивает он.

В это время звучит горн. Отбой.

Директор думает, вздыхает и говорит:

– Ночевать будете тут! Ничего не поделаешь, милые. Утром договорим.

Сообщая об этом, он запирает сейф и стол. И дверь.

Штанодер, похоже, знает уже сельскую легенду о том, что бывший хозяин теперешней детдомовской усадьбы – лесопромышленник Колыванов удавился на чердаке своего дома. Прямо тут. Над нынешним кабинетом директора. И до сих пор якобы ночами хрипит он в петле и стонет...

На дворе ни ветра, ни грозы. Но старый дом потрескивает, подрагивает, шепуршит...

Лиза остальных девочек постарше. Да еще и Дениса Дроздова отбутузила. И подружки жмутся к ней. Она бодрится. Даже пытается рассказать что-либо некогда прочитанное.

Но тут на чердаке действительно кто-то начинает стонать...

Девочки забиваются под стол. А Лизе бояться нельзя.

Форточка оконная большая, но высокая, подоконник узок.

Лиза ставит у окна стул. Велит девочкам подниматься на подоконник, затем ей на плечи и оттуда – в форточку. На волю.

Оказавшись во дворе, девочки отбегают к столовой, которая стоит поодаль от корпуса, среди берез детдомовской рощи. Лиза присоединяется к ним последней и говорит:

– Я поняла: это мальчишки на чердаке... А Штанодёру надо отомстить.

– Ка-ак?!

У кухни прижилась бездомная кошка. Она ютится под крыльцом. К ребятам привыкла и легко выманивается из своего убежища.

Прямо руками, в нужнике, девочки густо мажут несчастное животное. И вот оно уже пущено в кабинет директора.

Чуть брезжит рассвет. Видно, как бедная кошка беснуется. Поют петухи. Девочки бегут к реке – отмываться.

Река Тара. Этот берег крут. А за рекой до урмана заливные луга. Тайга болотистая. Васюганье. С этой же стороны сосны подступают прямо к селу. До них нужно пройти только улочкой.

В лопухах похрюкивает чей-то поросёнок. А девочки голодны. Их оставили даже без нищенского ужина. Однако поросёнок визжит и девочки суют его в бочку с дождевой водою. Дальше тайга и предвкушение сытости... Но выпущено из виду, что ни огня, ни ножа, ни соли нет... К тому же девочки быстро заплутали. Они так и не сумели выбраться из урмана до вечерней темноты. Поросенка выбросили – завонял. Сами забрались на старую черемуху, устроились и затихли.

Лиза видит во сне отца. Вернее, только его сапоги и брюки-галифе. Надо всем этим голос отца, и его смех. Смех какой-то чужой, трескучий.

Голосом Маши Сушенковой отец внезапно кричит:

– Медвежата!

Лиза просыпается и видит под черемухой двух пестунов. Значит близко медведица! Лиза слетает с черемухи, прямо в крапиву, следом за нею падают девочки...

Как? Каким путем?! Но через полчаса блукари уже в селе...

Не было бы счастья...

Лиза, видимо, летела из тайги впереди остальных. Оттого село уверилось, что именно она и вывела подружек из лесу.

Те не возражали. Наоборот: прилюдно стали доказывать ей, будто она бежала и пела.

Однако Лиза этого не помнит.

Денис Дроздов тоже не спешит поверить в ее песню. И шестеркам его не по носу такая её заслуга. А вот Штанодер не спешит наказать Лизу за свое посрамление. Оттого Денис и его подпевалы кучкуются по углам, перешептываются.

А навоз обычно в куче загорается...

И пяток пацанов со своим поводырем тем же полуднем, да как бы вот те раз! на пороге двух узких коридоров сходятся с Лизою.

Тонкая резиновая трубка с маху врезается ей в лицо и опять взвивается, чтобы перекрестить его тем же путём. Но Лиза взлетает за трубкою следом, перехватывает её в полете и успевает весом тела вырвать хлыст из руки только теперь увиденного ею Дениса.

И всё! Дальше Лизою опять ничего не помнится. Но, судя по рассказам ребят, она хлещет перед собою настолько яр, что успевает снабдить своим ответом не только зачинщика.

Но кто-то со спины вырывает из ее рук орудие мести. Пацаны кидаются вон – на улицу. Однако Лиза успевает настигнуть последнего, подставляет ему ножку. Тот летит зубами вперед и с маху «целует» порог.

Тем поцелуйщиком оказывается Пашка Денисов. Пашка сидит на полу, плюется кровью, а воспитатель Цывик удерживает Лизу за шиворот. Он говорит Пашке с презрением:

– Хорьки вонючие! Одну девку не могли одолеть.

Пашка поднимается. Левой рукою Цывик дает ему подзатыльник.

– Пошел вон! – говорит.

Затем в обратном направлении толкает в загорбок Лизу и велит:

– Ступай к доктору, вояка. Пусть рожу-то пластырем залепит.

Лиза послушно идет в дальний конец корпуса. Там медкабинет.

Глуховатый старичок-доктор в бородке и красивых позолоченных очках. Лизе кажется, что глядит он на нее со страхом.

– Кто это вас, голубушка, разукрасил? – спрашивает он.

Лиза отвечает:

– С берёзы упала.

– Да, да, да! – как бы соглашается доктор. – Ну что ж. Все падают. Тогда садитесь, уважаемая.

Лизу смешит такое обращение, но смеяться больно.

Доктор садится напротив, осматривает ссадину. Сам говорит:

– Познакомимся поближе. Меня зовут Игорь Васильевич.

Лиза таращит глаза, которые наливаются слезами.

Доктор беспокоится – больно?!

Он пытается ваткою промокнуть слезы и повторяет:

– Ну вот! Ну вот! Чего это еще? Тебя, кажется, Лизою зовут? Подумать только! Лиза! Внучка у меня, тоже Лиза. В Новгороде осталась. Теперь уж такая же большая, как ты. Десять лет я ее не видел. А теперь еще пять лет высылки. За что? – размышляет он и спохватывается, и говорит. – Выходит, голубушка, что и я, как ты, сирота.

И опять Лизе смешно, и опять больно: сирота с бородкою!

Но она сообщает почему-то шепотом:

– А папу моего расстреляли. Но тут я считаюсь беспризорной. Он любил меня. И мама любила. Она жить не захотела. А еще меня любил директор школы. Его тоже Игорем Васильевичем звали. Он мне книги давал читать и не велел никому говорить, что я дочь врага народа. А потом и его забрали. Прямо с урока. А потом я убежала из того детдома. И отсюда убегу.

– Давай вместе убежим, – предлагает доктор.

Лиза таращит на него глаза, а Игорь Васильевич просит:

– Не убегай. Пожалуйста! Будем друзьями...

Вот тогда...

Кто-то из ребят подбирает Пашкин выбитый зуб, цепляет его к ниточке. Отдает эту забаву шкетам. Малыши носятся гурьбой, трясут подвескою – тешатся.

Мальцов обижать в детдоме не принято, их мало. К тому же каждому из них покровительствует кто-либо из более старших ребят. Защитить своего дошколенка – дело святое.

Был бы этот зуб выбит в достойной драке, издевки бы не последовало. А тут – иная роль. К тому же многие пацаны подхихикивают малышам. Всем надоели Денисовы прихоти.

Одним словом: досталось воронам – аж перьё по сторонам!

Однако же и драный ворон не станет клевать зёрен: хоть бросово, да мясово!..

На другой день Штанодёр вздумал-таки чинить расправу. На заточение девочек больше, правда, не решился, но определил: кому столовую мыть, кому баню перед субботой скоблить, кому погреб чистить.

Лизе досталось наводить чистоту в огромном детдомовском коридоре.

На дворе август – день отменный! Окна настежь. Лиза моет, а Пашка Дроздов швыряет с улицы землю.

Девочка прячется в простенок и ничем не отвечает. Пашке не понятно: здесь ли она?

Лизе видно, как он, отраженный в стекле окна, крадется до подоконника – заглянуть в коридор.

Половою тряпкою Лиза хлещет шкодника по лицу.

Словно черт из коробочки, из-под окна выскакивает Денис.

Он, видно, и подстрекал младшего брата на пакости.

Денис лётom прыгает через подоконник. Но Лиза умудряется кинуть мокрую тряпку ему под ноги. Тряпка скользит под ногами. Они спешат уехать вперед, а хозяин юзом на заднице не отстает.

Денис проезжает мимо Лизы. Та хватает его за уши. Волочит в воспитательскую комнату. Она уверена, что ни Пашка, ни прочие огольцы туда не последуют. Они не знают, что комната пуста.

Лиза молчит о том, что же творилось тогда в комнате воспитателей. Но и без того ясно: штаны на Денисе оказались без пуговиц, рубаха изорвана. А ободранное его лицо наконец-то внушило пацанам, что с Быстриковой лучше не связываться. В драке она бешеная!

Но дело тем не кончилось. Надорванное Денисово ухо, укушенная рука гноятся и краснеют. Цывик ведет его к доктору.

Игорь Васильевич осматривает раны, спрашивает:

– Тебя что, собаки рвали?

Денис молчит.

– Неужели волки?!

– Какие волки? – злобно отвечает Денис.

– И я так думаю, – очень серьезно говорит доктор. – Следы не те. Ну-ну-ну! Ай-я-яй! Теперь понятно! Наверное, ты очень постарался кого-то попросить. Вот он тебя и обслужил! Молодец! – непонятно кого хвалит доктор...

Ухо бантиком не обвяжешь. Пришлось накладывать повязку через голову и шею. Из Дениса получился этакий Щорс! Игорь Васильевич на прощанье наказывает ему:

– Будь здоров, герой! Ступай. Да постарайся, чтобы другое ухо уцелело.

Денис, огрызаясь, поднимается уйти. Но входит директор и кладет ласковую руку на свободную от бинтов макушку пострадавшего, спрашивает доктора:

– Как мы тут?

– Жить будет! – получает резкий ответ. – Только если и дальше станет полагать, что он боевитее всех, не ушей – головы не сносит!

Штанодёр однако не соглашается:

– Нет, Игорь Васильевич! Нет! Я думаю, что Денис у нас скорее – рыцарь, чем хулиган. Он просто пожалел девочку. Потому и поддался. А вот с Быстриковой дело сложнее. Видите, что вытворяет? По-моему, девочка не в себе.

– Вот как! – удивляется доктор и говорит Денису: – Ступай-ка, парень отсюда. Ступай, ступай!

Сам провожает «парня» до порога, ждет, когда тот скроется, затем обращается к директору.

- Зиновий Исакович! Какое у вас образование?
- Ну! Допустим, что я – снабженец. И что?!
- Снабженец, а берете на себя смелость заниматься диагностикой. Да к тому же в присутствии мальчишки.
- Боже упаси, – нежно отмахивается Штанодер. – Я пришел посоветоваться.
- Насчет чего?
- Нельзя ли дать направление на обследование. В психбольницу?
- Кому? Вам?
- Не стоит дерзить, – мягко предупреждает Штанодер. – Я имею в виду Быстрикову Лизу.
- Но у меня нет для этого никаких оснований.
- Уверен! Будут!
- Вот тогда мы и вернемся к нашему разговору.

Гороховый бунт

- С подачи Штанодера Денис воображает себя рыцарем.
- У меня рука не поднимается на слобачку, – выгибается он перед ребятами.
- А те, сдуру, делают вывод, что Денис влюбился.
- И потекла река с потолка...
- Денису больно хочется доказать, что влюбился он не безответно. Да только Лиза, по его словам, сучка замороженная, не хочет показывать вида.
- Однако ребята начинают подсмеиваться, отчего Дениса все больше разбирает суета...
- А детдом между тем бедствует: продукты все еще не завезены. Сельсовет немного наскреб по дворам муки, но хватило её дня на три. И опять горошница да овсянка.
- Штанодер ездит в район. Район дает указания колхозу. Председатель колхоза разводит руками. И опять – район. И опять – обещания – потерпите.
- Но терпение на пределе.

* * *

Вот и сегодня. Ждали обещанный обоз. Да вновь утерлись, не умывшись...

С тем и спать легли.

Лиза обычно просыпается далеко до зари. Все знают, что она сочинительница стихов. Только никто никаких условий создавать ей не собирается. Считают блажью. Писать нечем, не на чем и негде. Приходится все запоминать наизусть. Потому короткий сон для Лизы – подарок. Вот и опять она лежит – шепчет:

В теплом сене хрустком...
В свежем сене хрустком...
В мягком сене хрустком
Теплая постель.
До чего ж по-русски
Плачет коростель...

Две последние строки явно пришли свыше. Она не знает, что такое коростель. Нужно хорошо запомнить, чтобы утром спросить об этом доктора, который сильно уважает ее пытливость. А он у Лизы, будто справочник, всегда под рукою, поскольку живёт в своем кабинете.

Отвлекает Лизу от мыслей запах пирогов. Поначалу ей кажется, что она грезит с голодухи. Но запах настойчив...

Лиза поднимается, взлезает на подоконник. Выглядывает в форточку. Думает, что обоз прибыл и что повариха уже печет пирожки. Но в детдомовской кухне темно. Виден свет лишь в доме директора.

Окно в спальне закрыто наглухо. А форточки большие, но высокие, однако Лиза одолевает эту высоту...

В ночной рубашке, она крадется через двор.

Детдомовские собаки – Булька и Черныш – ластятся к ней в темноте.

В доме Штанодера на окнах плотные занавески. Только поверху их яркие полосы света. Его хватает, чтобы рассмотреть во дворе недоколотые дрова. Лиза выбирает чурку подлинней. Катит её до окошка. Ставит на попа. Влезает. И видит над кухонным столом

висячую керосиновую лампу. Электричества в селе нет. У стола недорослая пыхтунья – вся в очках и жировых складках. Это жена Штанодера – Оксана Сёмовна, по кличке Лягуха. Она собирается ставить в духовку заполненный стряпнёю противень. А на столе уже полное решето пирогов. Даже с улицы девочке понятно, каковы они получились! О таких когда-то Лизина бабушка говорила:

– Эко тесто выстоялось! Хоть под голову клади!

Рядом с пирогами тазик муки.

Лизе ясно, что мука именно та, которую сельсовет собирал по дворам для детдомовцев....

Дело правое! Тут даже Денис и тот не отстаёт от ребят.

Человек семь подростков крадутся в предрассветной темноте к директорову особняку. Они прихватывают во дворе поленья.. И не только стекла, но и рамы оконные трещат и крошатся...

В минуту вся мука развеяна, тесто разляпано, пироги расхватаны. Лягуха в ударе...

Как только лампа над столом осталась висеть нетронутой?!

Уже во дворе Денис шепчет:

– А Штанодер-то на печке лежит. Я видел. Давайте вернемся...

– Нет! – протестует Лиза. – Хватит!

А ее слушаются.

Во время завтрака все ребята налицо. Но никто не ест. В железных мисках горошница. Вдоль стола прохаживается злой Цывик. Он строжится, но напрасно.

Толя Аверик, на правах самого громкоголосого, коротко говорит:

– Директора!

И получает от Цывика затрещину.

Разом взлетают ложки, лупят по столешнице, сопровождая грохотом ребячий скандёрж:

– Ди-рек-то-ра! Ди-рек-то-ра! Ди... Шта-но-дёр—ра! Шта-но-дёр-ра.

А вот и Штанодер! Входит из кухни в столовую, дергается и обещает:

– Потерпите, голуби! Ну, сегодня – обоз!

Ему не дают договорить!. Чашки с горошницей летят со всех сторон. Цывик напрасно пытается их перехватывать.

Стены, пол, потолок уделаны напрочь. А ребята не унимаются...

Но “боеприпасы” заканчиваются; директор оттирает морду от варева и вопит:

– Зачинщика ко мне!

Цывик дело знает. Цывик выхватывает из оравы Лизу. Волоком тащит ее по двору. Такого еще никогда в детдоме не было.

Ребята обескуражены.

Денис делает вид, что и для него это неожиданность...

Сдача

В кабинете директора два окошка – на восток и на юг. Дверь – на запад. На север – глухая стена. У стен редкие стулья, для совещаний и нечестных посетителей. Письменный стол отстоит на метр от угла, что находится между окон...

Лиза, прижавшись, стоит у глухой стены. А Цывик дает совет взволнованному директору:

– Зяма Исаакович, шли бы вы домой. Переодеться. Я тут управлюсь и один. Без свидетелей.

И Штанодер исчезает.

Дверь за ним запирается на шпингалет. Окна задерживаются шторами. Цывик здоровый, крепкий – дубы ломать! С ним в селе ни один парень не связывается. Ремень на его брюках и того крепче. Он растеривает его, вытягивает из петель. Говорит Лизе:

– Раздевайся!

На девочке простое платье, косынка и пантолоны – голубые, до колен.

– Раздевайся!

Лизе тринадцать лет. Уже обозначились титёшки. Она стесняется даже девочек.

– Ну! Кому говорю!

В детдомовской бане, на стене, висит старое зеркало. Лиза иной раз в него заглядывает, но мельком. Собственная нагота ее почему-то гнетет.

– Ты что! Оглохла?!

Цывик швыряет ремень на стул, силой вытряхивает девочку из

одежки. Лиза пытается кусаться. Ко удар по голове о стену вышибает её из силы...

Лицо ее обмотало платьем. Руки за спиною – затянуты косынкою... Пинаться мешают спущенные штаны.

Цывик, точно цыпленка, тащит ее за стол, бросает в угол, который с улицы ниоткуда, не просматривается... Дыхание воспитателя прерывистое.

«Сейчас будет лупить», – думается Лизе и она притихает. Ждет удара. Но воспитатель медлит. Чем-то шеборшит. Слышно – опускается на колени, упирается ими, голыми, Лизе в бок и принимается водить по ее телу чем-то упругим и теплым. Оно пульсирует, как нарыв.

Девочка понимает, что творится с нею непотребное: ей противен и сам Цывики, и его теплота. Она начинает выворачиваться, но тем прерывистей и страшнее дыхание Цывика.

И все-таки ей удастся перевернуться на живот. Цывик всею тяжестью валится на нее... Скрежещет зубами. Дёргается, подвывает уробно, дико...

Лиза от тяжести задыхается. Пытается задом выползти из-под него. Платье сползает с головы. От Цывика несет почти так же, как в тайге несло от пропавшего поросенка...

Он перестает дергаться. Отдувается. Теперь Лиза боится даже пошевелинуться – не повторилась бы тяжесть.

Вдруг Цызык подскакивает, поддерживает свои брюки и торопится развязать ей руки.

Лиза быстро заползает в угол, прикрывая наготу скомканным платьем, видит на Цывике незастегнутую ширинку, в щель которой выпирает бугорок, прикрытый подштанниками.

Цывик перехватывает её взгляд, суетливо прячет бугорок и, застегивая гульфик, обещает, что завтра принесет Лизе конфет.

– Одевайся! – заканчивает он свой посул приказом и выходит за дверь. Но дальше порога его шагов не слышно.

Лиза надергивает трусы, платье. А косынка, загаженная чем-то вонючим, липким, остается, лежать на полу. Шторина от окна тут же летит в сторону, но Лиза не успевает даже взлететь на подоконник. Цывик ловит ее со спины, шепчет:

– Пикни! Убью!

– Пошел на х...! – орет изо всех сил Лиза.

Он хлещет ее по губам так, словно не он, а она оставила в углу за столом измазанную слизью косынку. Затем он хватает со стула ремень...

Странно, однако, Лиза не чувствует боли. А морда воспитателя плавится потом. Нижняя челюсть выдвинута ящиком, глаза разбежались на стороны...

Если душа у человека живет в его глазах, то она у Цывика в это время ослепла. Но кто-то со двора, бьет кулаком по оконной раме. Воспитатель замирает. Покуда он входит в себя, за окошком уже никого нет. Однако Лиза, успевает рассмотреть там лицо Толи Аверика.

* * *

В изоляторе побелка, потому Лизу уложили в спальне. Доктору Штанодером сказано, что девочку исполосовали ремнем ребята... Дескать, мстили за влюбленного в нее Дениса Дроздова.

Денис тем доволен. Пацаны же супятся и молчат. Лиза тоже молчит. Она теперь хорошо понимает, что с Цывиком шутки плохи.

Подружки то и дело забегают в палату – не столько навестить Лизу, сколько пошуськаться о случившемся.

А Штанодер в это время укоряет Игоря Васильевича:

– Вот видите, доктор. Если бы вы дали Быстриковой направление в лечебницу, этого бы не случилось. Представьте себе, она даже матерится! И не только на ребят!..

– Да, да, да! – не спорит доктор. – Конечно! Во всем виноваты, супостаты, а мы только розги подавали... У Лизы, понятно, есть отклонения, но явно не ваши. То, что она пытается защищаться, я полностью одобряю. Уж простите меня...

Разговор идет за дверью спальни, где, кроме Лизы, еще несколько девочек. Он слышен дословно. Однако подружки столпились у порога. Когда же, в золотых своих очках, Игорь Васильевич появляется в комнате, гурьба рассыпается. Доктор подсаживается к Лизе, манит к себе девочек, говорит:

– Послушайте.

И начинает читать наизусть:

Пахнет дымом и навозом,
Куры квохчут у плетня,
Хороводятся березы
В звоне мартовского дня.

Снег парует ли на крыше,
Воробьи ль дерутся в прах –
От восторга у мальчишек
Небо плавится в глазах!

На дворе телёнок пегий
Юбку бабкину жует,
В нетерпении телега
Колесом о землю бьет.

Ночи день сегодня равен –
Пляшет солнце на сосне
И колодезный журавль
Поклоняется весне!

Доктор замолкает, и все молчат.

Лиза поражена: всего один раз она прочла Игорю Васильевичу своё стихотворение. И вот... А доктор уверяет девочек:

– Когда-нибудь вы станете гордиться тем, что жили рядом с автором этих строк!

В центре огромного детдомовского коридора горит всего лишь одна керосиновая лампа. Она стоит на подставке, крепко вбитой в простенок. По обе стороны от лампы двери спален.

Полночь.

От входа в коридор медленно, почти неслышно идет Цывик. Он сегодня дежурит. Тень его, поначалу огромная, размытая, с каждым шагом укорачивается, вырисовывается. Под лампою она почти пропадает. Затем снова начинает приобретать прежние очертания.

Но тут за спиною Цывика летящим из спальни ботинком сшибается с лампы стекло, огонь гаснет. И разом в темноте кто-то валится воспитателю под ноги, кто-то пихает его в спину. Он падает. Его хватают за ноги, за руки. И вот уж он барахтается в

натянутой на него матрасовке. Скинуть ее невозможно – держат.

Палками, ногами ли, обутыми в ботинки, Цывика лупят по голове, по ребрам, по коленям... Бьют свирепо, долго, молча – со знанием дела... Пока он не затихает в мешке...

Утром по селу говорят, что Цывик в темноте сорвался с чердачной лестницы. Ему на крыше якобы чего-то показалось в темноте. И только один Штанодер узнал от него истину. Он долго рассматривал матрасовку, кое-где испачканную пятнами крови. Но она оказалась ничьей. Её ребята сперли в изоляторе...

Мажай

Прошли сутки. На дворе непогода. Сегодня Цывик должен быть на работе. Но его нет. Похоже, ребята полной мерой оценили позавчера его воспитательские “заслуги”.

Однако же Лизу в кабинете директора он долбанул головой о стену основательно.

– Сотрясение не из легких, – печалится Игорь Васильевич и, уходя из спальни, не велит ей вставать, девочек он просит не больно тревожить ее.

Самое время сочинять. Но Лизу подташнивает. Какие уж тут стихи. Думается лишь только об одном, что на этом дело не кончится. Потому нужно бежать!

А в чем?

Теплую одежду в детдом так еще и не завезли. А через неделю – школа.

В детдоме есть ребята и постарше Лизы, но учатся неважно. И она сама – не ахти. Но ей все-таки удастся каким-то путем закончить шесть классов. Предстоит седьмой. В шестой класс идет Аверик Толя. Остальные ребята – не больше четвертого. С ними, скорее всего, учителя будут заниматься прямо в детдоме.

Для Лизы кастеляншей уже приготовлена пацанья гимнастерка, пошита юбка из чьей-то старой грубой шали, и сорокового размера ботинки.

Но у Лизы печаль не о школе – о том, что не в чем бежать. Если Цывик решит, что она смирилась, то, чего доброго, навадится...

Таиться и изворачиваться Лиза не умеет. Она не Денис, который шестерит перед воспитателем так, что Лизе кажется, будто они оба воняют, словно та косынка на полу, что была оставлена ею в кабинете директора.

Почему он так уж извивается? Почему?

Лиза не успевает додумать. Кто-то из пацанов что есть мочи орет во дворе:

– Мажай! Мажай идет!

Она знает, что ребята зовут Мажаем воспитателя старшей группы девочек – Мажарова Александра Григорьевича, которого она, за три недели пребывания в детдоме, еще не видела.

За криком следуют суматоха, топот и ликование.

Лизе хочется туда, но слово Игоря Васильевича для нее свято.

В спальню входят всей гурьбою. И мальчишки тоже.

Если равнять Цывика с Мажаем, то сказать бы следует так: велик пожар в ночи, но хлеб пекут в печи...

Не о том ли самом говорит Лизе и рука Александра Григорьевича. Он лишь пальцем проводит по рубцу на тоненькой шее девочки, но этого хватает, чтобы в душе ее на всю жизнь затеплился огонек живой доброты.

Каждому из ребят тоже хочется его особого внимания, словно перед ними святой Петр, одним прикосновением исцеляющий ото всех недугов.

Лиза, однако, не из назойливых. Она смущена. До ушей натягивает одеяло. Но ребята угомониться не в силах. Шумят. Радуются.

– Довольно! – говорит Мажай. – Пошли обедать.

Он выходит из комнаты последним. С порога оборачивается. Улыбается. Затем морщит нос и помаргивает обоими глазами.

Ни с того, ни с сего Лиза повторяет то же самое. И оба смеются.

Оказия

Седьмой класс. Русский язык преподает благовидный Корней Михеевич. Как и Игорь Васильевич, он тоже сосланный. Поговаривают, что у него учился сам Ленин. Хотя вряд ли.

Всякий раз, когда накануне бывает сочинение, Корней Михеевич журит Лизу:

– Тебе, голубушка, опять две оценки: пятерка с плюсом и тройка с бо-ольшой натяжкой. Ошибок много.

А сегодня он просит еще и пояснить:

– Ну, почему?

Лиза ростом пока не вышла. Сидит за первой партой. Перед столом учителя. Поднявшись, оправдывается:

– Я, когда пишу, даже тетрадку не вижу. У меня перед глазами одни только картинки. Как в кино. За меня будто кто-то другой пишет...

– О врать!.. – басовито восклицает Дюймовочка. Он же Сёмка Буслаев – остопоп и прожора. Сын колхозного счетовода... За то, что в седьмой класс им сделан третий заход, а под его тяжестью уже потрескивает парта, Сёмка обретает прозвище Трёхдюймовый. Затем из этого образуется просто Дюймовочка.

Школа терпит Сёмку потому, что его отец всякий раз умоляет учителей позволить сыну до армии окончить хотя бы семилетку.

С начала учебного года Сёмке взбрело в голову поухажерить вокруг Лизы. Он даже умудрился занять место за второй партой. И стал донимать избранницу идиотскими шутками...

Тут с одной стороны Сёмка досаждал, а тут ботинки с ног сваливаются – ноги до пола не достают. Вот Лиза и надумала ставить ботинки во время урока под сиденье. Чулки тоже большие – кастелянша свои отдала. Резинок нет. Приходится подвязывать веревочками, которые постоянно сползают. Всякий раз нужно подтягивать. А как? Юбка длинная, толстая. Попробуй ее незаметно приподнять.

Если ко всему этому прибавить еще и мальчиковую гимнастерку, и лысую голову, то чем она для обалдуя не пара.

И вот Корней Михеевич вызывает ее к доске, а ботинка одного под сиденьем нет. Дюймовочка ухмыляется. Он пока еще не знает, что Лиза никогда понарошку не дерется. В руке ж ее уже зажат второй башмак, который с маху да со всей силы, да, подошвою прикладывается к наглой ухмылке. Странно опять, но девочка видит перед собою лицо Цывика и хлещет еще:

– Нарвался хряк на хохряк... – восклицает кто-то в классе.

А Корней Михеевич говорит спокойно:

– Оставь его, Лиза. Хватит. Ну что поделаешь: не выделила ему природа желания быть не хуже других...

* * *

В школу и обратно Лиза ходит с Толей Авериком. Вернее, бегают. Хотя в бахилах сорокового размера не больно разбежишься. Однако мороз подгоняет уже основательно.

К Седьмому ноября теплую одежду в детдом наконец-то доставили. Только валенки где-то зацепились за чью-то конторскую душу.

А вот и конец месяца. На Таре остались только скудные полыньи.

Деревенские пацаны уже всюю рыбалют. Снега еще маловато. Лед почти оголен. Самая пора кататься. Но детдомовцы вынуждены даже до ветра ходить на ведерко. Уборная далековато для разутых ребят.

Путь в школу и обратно идет мимо яра. Минуту-другую Лиза с Толеем задерживаются над крутизной, сожалеют об уходящей радости, затем бегут в детдом на обед.

Порядку этому обычно ничто не мешает. Но сегодня у ворот стоит Виктор Петрович. Он ловит Аверика за шиворот, а отскочившей в сторонку Лизе говорит:

– Ступай в кастаньянную. Валенки привезли.

Лиза торопится во двор, хлопает калиткою, но далеко не уходит.

– Так што?! – слышит она голос Цывика, обращенный к Толе. – Всё уверяешь ребят, что сам видел?

– Что я видел? – недоумевает Толя.

– А то, что я, вроде бы, лупил ремнем Быстрикову.

– А что ли нет?

— У-у! – будто одобряет воспитатель его прямоту. – Ну, если ты такой герой, может быть, и в том сознаешься, что это ты мне “темную” организовал?

Аверик не отнекивается. говорит о том же самом, только с другой стороны.

– Я знаю, кто вам сексотит.

– Ну, ну! Вот как? Это хорошо, что знаешь. Тогда приходи после обхода в игровую. Там и поговорим. А теперь ступай за валенками.

В словах воспитателя Лиза улавливает уже знакомую ей нотку, для девочки она прозвучала тогда, когда Цывик сказал ей – раздевайся.

Теперь эта нотка крепится быть доверительной, да только ласка ее столь напряжена, что готова лопнуть, будто пузырь, согретый гнилым болотным теплом....

* * *

Получены валенки. Отошел обед. Сделано домашнее задание.

А Лиза никак не может отделаться от беспокойства. Там и ужин, и отбой. Тревога лишь нарастает.

Обходом по спальням идет сам Штанодер со своим липким вниманием – каждого похлопать, погладить, одеяльце подоткнуть. За ним следует Цывик с фонарем, поскольку керосиновые лампы держать по спальням небезопасно. Шествие замыкает Гукся. Она сдает дежурному Цывику ребят – поштучно.

Фонарь покачивается. Неровный свет падает воспитателю на лицо. Оттого чудится, что их у него несколько.

Обычно Лиза засыпает разом. Сон ее недолог, но глубок. Об этом знают все. Потому Штанодер ее не трогает – идет мимо. И хорошо делает, Лиза только притворяется спящей. Но сейчас ее лучше не тревожить. Как осиное гнездо...

Наконец деловая тройня покидает комнату. Скрипит половицами дальше. О чем-то переговаривается, удаляется и затихает вовсе.

Потом слышно, как за директором и воспитательницей затворяется выходная дверь, и теперь Лизе остается только дожидаться шагов Аверика, чтобы тайком последовать за ним и, в случае чего, поднять хипиж.

Дверь в игровую комнату расхристана ребятами до того, что и запертая ходит ходуном...

Аверик медлит. Видно, ждет, когда в их спальне уснут все ребята. Лиза уверена, что он не из трусливых. К сожалению, она не ошибается.

Минут через пять после его шагов Лиза поднимается, надёргивает платье, босая выходит в коридор.

И тут же со спины на нее кем-то набрасывается матрасовка, чья-то рука зажимает ей рот. Сбитая с ног, она падает и по полу

едет в другой конец коридора. Вот ее перетаскивают через порог. Волокнут дальше. Похоже, что в изолятор.

Там по щиколоткам, заодно с накрывой, стягивают ей чем-то ноги, но она ухитряется найти в ветхой матрасовке дырочку, просовывает в нее пальцы, рвет и успевает схватить кого-то за руку. Один палец в темноте хрустит. Раздается девчоночий визг. Топот ног быстро удаляется, оставляя за собой звук запираемой на ключ двери.

* * *

Лиза освобождается от простыни, которой спутаны ее ноги, сбрасывает матрасовку, ломится в дверь в надежде, что глуховатый Игорь Васильевич услышит ее.

Доктор просыпается. Но он слишком стар, чтобы спросонья сразу понять происходящее.

Пока одевается, пока топотит до изолятора, пока суетится туда-сюда за ключом. Да еще пытается удержать Лизу, чтобы уяснить случившееся, девочка понимает, что опоздала со своей помощью. Но она даже представить себе не может – насколько!

Худое споро – творится скоро...

Дверь в игровую комнату открыта. Цывика там нет. Чуть видный в темноте Аверик сидит на полу. На нем лишь трусы. О побоях вид его не говорит. Но поднимается Толя с трудом и так же идет опираясь на руку доктора. Лиза следует за ними. В коридоре, при свете лампы, она видит на трусах Аверина темное пятно и понимает, что это кровь...

* * *

Аверик лежит в изоляторе. Лизу доктор туда не пустил. Возле Толика на тумбочке зажжена лампа... Игорь Васильевич не отходит от него ни на шаг.

Скоро, не скоро появляется Цывик. Худенький доктор буквально вытесняет его за порог. В крошечной тьме приврачебной комнаты он кричит надрывным шепотом:

– Кроме вас, некому! Кроме вас, некому!

Цывик поначалу робеет. Начинает ответно врать, тоже тихо:

– Я у сторожа был. Это пацаны...

Однако глуховатый доктор слышит его и требует уточнения:

– Што это? Што это?! Не шельмуйте ребят? Откуда бы вам так скоро узнать, если это они?

– Денис сказал, – оправдывается Цывик, но доктор не хочет слушать его и говорит уже громко:

– Завтра же буду у прокурора!

Цывик не находит ничего другого, как только огоршить доктора своей наглостью:

– Аверик ничего не скажет...

– Я скажу! – звучит из дальнего угла нарочито грубый голос. Воспитатель в темноте прётся туда. Но наскакивает с разлёту на кем-то боком положенный табурет, падает через него, ругается и оттого не слышит шлёпанья удирающих ног...

Утром Цывик сдает дежурство Мажая. При них при обоих в кабинете директора Игорь Васильевич, то снимая, то надевая очки, требует от бледного Штанодера немедленной отправки больного в районную больницу.

Оправдывая свою нерешительность, Зяма Исакович бормочет:

– Поймите же меня. Машина нужна...

Не так давно в детдоме была полуторка, но ее умыкнул прежний директор. Осталась пара лошадёнок, да в тайге уйма волков – нагнана в Сибирь недавней войною. Обозом и то ходить небезопасно.

– Можно попросить в колхозе, – предлагает пребывающий в неведении Александр Григорьевич, который тут же исчезает за дверь.

Колхозная контора от детдома наискосок – через площадь. Пока идут в кабинете препирательства, Мажай возвращается и говорит:

– Обещают машину. Только надо часок подождать.

Игорь Васильевич сам приносит Аверику одежду и валенки.

– Собирайся потихоньку, – просит он и торопится снова к директору – требовать в дорогу одеяло и тулуп. Затем он спешит в кухню, поскольку за суетою забыл снять пробу.

А ребята уже направляются завтракать. Идут строем, хотя от корпуса до столовой пять секунд пробежки. Шагают они раздетыми – в столовой нету вешалки.

* * *

Калитка в недалеких воротах по утрам обычно бывает незапертой, но только для персонала. К ребятам же и посторонним-людям она глуха. Но ее глухота для пацанов – не предел. И нужно бы в детдоме держать отдельного работника, чтобы успевать приколачивать к забору доски, отрываемые ребятами. Но Дюймовочка буквально врывается во двор детдома через калитку. Глазищи белые. Орет:

– Аверик утопился!

Ночью падал снег. С яра видно, что на льду, возле промоины стоят новые Толины валенки. К ним следы есть, обратных следов нету...

Тюрьма

Какая уж тут школа? Какие уроки? Вся деревня, весь детдом на яру. Но дальше обрыва бабы ребятишек не пускают – у промоины тонок лёд. До майны опускается только Мажай да председательша колхоза, да Игорь Васильевич.

А Штанодера нету. Ему прямо у столовой сделалось плохо – упал. Сейчас с ним отваживается Гукся.

Бабы над обрывом толкуют:

– Каво теперича смотреть? Каво выстаивать? Парнишонку подика уже за излуку утянуло.

– Понятно, что боле не высунется.

– Ну и фатя стоять. Пошли!

Следом за бабами понуро плетется Лиза. А те продолжают судачить:

– Как ён только сумел под лёд-то поднырнуть? Тут жа воробью по колено.

– С колен, похоже, и подсунулся. Иначе никак...

– Во допаякли бедолагу! – И чо ж у них в детдому-то деется?

– Чо деется! Тюрьма деется!

– Господи.! Господи!

Бабы идут мимо деревенской церкви, с которой давным-давно снят крест. Зато теперь над папертью ликует новенький плакат.

Всех, белым по красному, он призывает на выборы. Писал плакат Цывик. И портрет Ленина, что висит теперь над бывшими царскими воротами, тоже он сотворил, чтобы, выслужиться перед начальством – готовится в партию.

– Пфу! – плюется одна баба на призыв и говорит безо всякой опаски. – И на хера мне эти выборы? Бандиты в бантиках...

Другая баба осекает её:

– Никитовна! Не хляшши языком по ветру, а то и нас ослунявишь...

* * *

Сегодня в детдоме за порядком никто не следит. Потому старшие девочки посмели собраться в спальне. Только одна осталась у двери на васоре.

Между порогом и кроватями достаточно простора, чтобы стать кружком. В центре кружка – Нинка Дроздова. У нее на руке разбарабанило палец. Орет, что ночью свалилась с кровати. Однако Лиза требует от нее правды. Глаза, позы ожидающих покаяния напряжены.

– Говори!

– Нинка упорствует.

Кто-то от нетерпения толкает ее в спину. Она оборачивается, но получает сзади еще толчок...

И вот уже нещадные руки мечут ее по кругу. Ни устоять, ни свалиться не дают. Подхватывают, швыряют...

Ни синяков, ни ссадин. Однако Нинка уже не Нинка, а мешок с мякиной...

– Атанда! – кричит караульная в приоткрытую дверь. Нинке дают упасть, и она торопится уползти под кровать.

Через минуту входит Мажай. В спальне полный порядок. Девочки же сидят у крайней постели на полу. Головы склонены. Они тихонько поют:

Горит костер дрожащим пламенем,
Там беспризорные сидят.
Они смеются по разгару,
Как будут дальше проживать!

Там беспризорная девчонка
Склонила голову на грудь –
В тоске по матери родимой
Не может бедная уснуть.

Мы беспризорные девчонки,
Мы не боимся никого.
Пусть счастливые смеются –
Нам, беспризорным, все равно...

Мажай стоит, не двигается. Дает девочкам допеть и молча уходит. А Нинка из-под кровати говорит:

– Денис велел Быстрикову скараулить. Цывик приказал...

Она выкладывает все, что знает. Но знает мало. Причина Толиной смерти ведома, пожалуй, только самому Цывику да Игорю Васильевичу.

Правила в детдоме строги: за правду не бьют. Потому Нинка спокойно выбирается из своего укрытия. Девочки ощупывают ее руку. Переглядываются. Двое хватают ее за плечи, одна с силою дергает за палец. Нинкин вскрик уже не имеет значения.

В селе не дождались ни тебе милиции, ни тебе поминок. Какие тут могут быть утопленники, если выборы на носу?!

Однако Игорь Васильевич все-таки добирается до районного прокурора. Но тот рассуждает так:

– Утонул и утонул... Поскользнулся. Чего ты передо много бумагами своими трясешь?!

– А где мне ими трясти, в областной прокуратуре?

– Попробуй! Тебя на первом же перекрестке арестуют. Забыл, что ты ссыльный?! Возвращайся в село и скажи спасибо, что я такой добрый.

Но в село Игорь Васильевич не вернулся.

Лишь весною бабы, бравшие в тайге лук-слизун, углядели на ветке шиповника его позолоченные очки. Остальное, по их словам, растянули по урману волки.

Пожар

Зима, вечер, темно, безлюдно. Село таежное. Урман вековой. Заплоты высокие. Смолистые поленницы дров вплотную ко дворам стоят годами. Не приведи Господи пустить пал...

Церковь – другое дело. Дворы перед нею расступились и принизились, точно в поклоне. А она, хотя и обобрана, и щербата, и взамен колоколов звонит над нею вороньё, а все достойна поклонения, как опальный герой. Можно в ничто обратить ее тело, но не превосходство!

Лиза вольна в своем вечере: ей позволено посещать сельскую библиотеку. Ей не хочется возвращаться в детдом. Сегодня будет ранняя вечерняя линейка. Будут говорить о завтрашних выборах и о том, как хорошо жить детям в советском государстве.

Лиза идет по темной улице и думает, что завтра ее дежурство по кухне, что она умеет запаливать в печке дрова так, чтобы они разгорались и быстро, и медленно. Лиза вообще любит смотреть на огонь. Её удивляет то, что в махонькой спичке живет пожар. У Лизы в кармане целый коробок пожаров. Не зря же она только что побывала у Калиновны. На печной уступочке у той было четыре коробка спичек, теперь осталось три. После девочка намерена покаяться перед хозяйкою, но не теперь...

Построение в детдомовском коридоре в две шеренги, Лиза успевает на него. Керосиновая лампа немощна. Огонек её дрожит. Двери комнат открыты – спальни проветриваются. Окна спален расположены против дверей. За окнами – полисадник. За полисадником – сельская площадь. На площади – церковь, метрах в пятидесяти от детдома.

Лиза первой замечает за окнами блики. Она подталкивает локтем соседа. Тот смотрит на проблески, соображает и орет:

– Пожа-ар!

Шеренги рассыпаются. Ребята у окон. А огонь уже веселится. Но прежде чем для ребят закроется выход из корпуса, Лиза успевает одеться и выскользнуть на погоду.

Мороз. Безветрие. Хорошо гореть!

Церковь будто ждала избавления от опалы. Пылает с придыханием и треском, будто смеется над завтрашними выборами. Пламя закручивается в столбы. Несет свою радость к небу...

Сегодня – суббота. Банный день. Люди собираются, но с заминкою. Да и понимают они, что тушить припоздали. Подходят неторопко. Стоят без шапок. Крестятся. В глазах ужас и восторг.

Только мокроголовый Цывик в накинутах на гольную рубаху полушубке ошалело кидается на селян, хватая того-другого за грудки, требует действий. Да председательша колхоза спотыкается за ним следом. Еще не стоит спокойно двум партийцам...

– Горит-то как! Весело горит! – восторгается кто-то в толпе. – Заодно с портретом горит!

И Цывик спохватывается, что пора спасать Ленина. Он бросается к двери, чтобы сорвать замок. Но пылающая балка валится с крыши на паперть. Под общее ах! Цывик успевает отскочить. А Лиза вспоминает то, как однажды в Татарске собака выскочила из-под колес полуторки. Тогда девочка радовалась...

Горящее бревно становится вдоль двери.

Отчаянье Цывика неподдельно. Полушубок с него летит на снег. Он снова бросается на приступ двери. Но вторая балка ниспадает с высоты и укрепляется перед первой – крест-накрест!..

После, потом приезжая комиссия авторитетно заявила селянам, что в деревне есть враг, что никакого небесного чуда и быть не могло. Вроде бы тем, кто задумал такое преступление, загодя были подпилены церковные балки, да так умело, что они легли перед входом горящим крестом.

Однако Виктора Петровича в партию не пустили – за недосмотр.

И всё:..

Перед Новым годом в детдоме появляется медичка. Она прислана из Новосибирска. Тоненькая славяночка. Сестрица Аленушка.

Смурной после партийной неудачи Цывик немедля оживляется. Начинает пошучивать.... Зато в глазах Мажая появляется вопрос – а как же я? Штанодеру и тому захотелось солидничать не в меру. Даже сторожа, у ворот зацветают вослед ей улыбками да судят:

– Малость суховата. А так – о! Так – Елена Семеновна!

Когда же на Новый год Елена Семеновна входит в зал Снегурочкою, всем представляется, что сказка ожила.

Всем, но не Лизе. Сказка сказкой, а Елена Семеновна смертна. Девочка уже уверена, что ее надо оберегать от проруби. Хорошо еще, что сестрица Аленушка поселилась в доме охотника Череды, а не в своем кабинете, как бывший доктор. Не то, пожалуй, Цывик и ночами не давал бы ей прохода.

* * *

– Куда прёшь? Бык племенной! – остопил однажды Цывика у своих ворот таёжник Черета... – Будешь мне тут ядрами трясти, я ты живо приструню!

Черета – медвежатник. К тому же войну насквозь прошел... немногим старше Цывика, но Алену принял за дочку. О Цывике же, которого село побаивается, говорит:

– Сволота, она лишь потемну скирда, а на свету – солома...

Однако же Лиза откуда-то знает, что промедление смерти подобно! В напряжении своем она видит еще и то, что Мажай от любви оглох, ослеп, ошалел. Лиза бы могла рассказать ему тайны свои, но его самого в пору спасать. А еще девочка видит, что у Аленушки веки все ниже, губы плотней. И все же она замечает стороннее внимание:

– Лизонька, – спрашивает она как-то, – что ты мне хочешь сказать?

Если бы этот вопрос был задан ею наедине. С ходу-то Лиза, может, и сумела бы найти нужные слова. Да и чего их искать? Они есть! Они не дают покоя. Только не идут на язык. Но голову кружат:

Подстрелили оленуху на заре;
Тяжко стонет оленуха на траве;

Облака плывут как льдины в вышине;
Воробей тихонько плачет на сосне;
Волк матёрый завывает на ходу:
– Потерпи немного – скоро я приду-у...

Елены Семеновны сегодня на работе нет – болеет.

А на дворе – Благовещение. Оно пришлось на будний день.

Занесенное снегом церковное пожарище теперь вытаивает огромными головнями. Пожилые селянки черноты этой вроде бы и не видят. По святым дням они сходятся к пожарищу, выводят голосами тоненькие молитвы, крестятся туда, где видят душою церковные маковки. Для них Божий дом будто очистился пожаром от унижения и ожил невидимо для пустых глаз. Вот уж теперь вовеки ему не быть опаленным!

Калиновна стоит тут же. Рядом с нею соседка её Олесиха. Лизу ждут уроки, но ей по душе святыя речитативы.

– Ирод! Господи, прости! – слышит она от Калиновны, которая разом и молится, и разговаривает с соседкой. – Ишь-ка ты вот! Кот из дому – мыши в пляс... Да придет царствие твое... – Не успел Черета с лесом сравняться, ён уж побег бедну девку донимать...

– От сатана! – отзывается Олесиха. – Прости ты меня, Богородица, на худом слове! – Ишел бы, сучий кот до Федоськи Рябой. Та бы и за козла бы заползла... Не слушай ты меня, Царица небесная.

– На-а, вот! – не принимает Калиновна соседкиных слов. – Разбжалси! Ага! До Фроськи? Чо ему падалик-то всякий собирать? Яму ж надо то яблочко, которо на высоте держится...

– Оборвет девку паскудник! А, может, свататься подался?

Но Калиновна досадует на Олесихину наивность:

– Свататься... От сватов прятаться...

Школа забыта... Ночной мороз еще не отпустил дорогу, но уже сыровато. Весна ранняя. Солнце жаркое. Но Лиза этого не замечает. Она летит напрямик. Пятистенок охотника Череды на самом краю села.

Утро больно яркое. В темных сенях с улицы сразу ничего не разглядеть. Лиза насккивает на пустое ведро. Падает. Сумка с учебниками летит в сторону. Запертая избушка дверь обшита войлоком. Стук получается ничемный. Лиза подхватывает ведро. Колотит им о косяк до той поры, пока дверь не выставляет перед нею знакомую, свекольного цвета, рожу. Лиза с маху лупит ведром по этой красноте. В страстях она не видит, что ведро старое, в зазубринах...

Цывик ошарашен. Но Лиза не в себе. Она повторяет удар. Цывик хватается за щеку. Рука в крови. Он успевает и нюхнуть ладонь, и отбить ею очередной удар. Накинутый на нем пиджак при этом распаивается и перед Лизою отворяется его не застегнутый гульфик.

Содержимое, покрытое подштанниками выпирает знакомым бугорком....

Лиза отшвыривает ведро, хватается рукою за тот курганчик так, чтобы Цывик не вырвался. Тот орет. А Лиза пятится через сени на улицу. У Цывика от боли не хватает, знать, силы ударить девочку, и кажется, что её руку разожмет только смерть!

Где же было старенькой Калиновне угнаться за девочкой. Она вбегает во двор тогда, когда весь театр оказывается уже на крыльце. Но и старушке требуется минуты две, чтобы осознать происходящее. Спасибо Олесихе: пособила расцепить Лизины руки...

А потом? Потом до самой ночи, от дома к дому, село взрывается хохотом. Только один таежник Черета ничего не знает. Домой он возвращается лишь под утро.

– Не спится? – устало спрашивает он квартирантку. – Али все болееешь? Пройдет, – успокаивает.

Черета не многословен, как все таежники. С последними словами он вешает ружьё на стенку, с ними ложится, с ними засыпает.

Тут же просыпается. От выстрела.

Алена лежит на полу, в своей комнате. Крови почти нет. Только дырочка под левой грудью...

Ехай!

Лизы нет в детдоме. Лизы нет и во всем селе. И вот уже двое суток Лизу ищут в тайге – не находят.

А у Калиновны здоровенная собака, у которой не конура – особняк. Его косматая хозяйка снюхалась с Лизою еще с осени.

Играя с собакой, девочка иной раз прячется в будке и велит себя охранять. Тогда псина ворчит на всех, кто оказывается вблизи. Равно и на Калиновну. Похоже, понарошку.

А сегодня она даже уши прижимает, даже скалится.

– Сдурела! Тя чо холера разбирает? Уж не оценилась ли? Когда успела?

Она намеревается заглянуть в будку, но косматая пятится, закрывает задом пролаз, щетинит загорбок.

– А то! – догадывается Калиновна и скоренько несет из дому полную миску вареной картошки да со сметаной.

Сама же затаивается в сениях – подсматривает.

Собака не кидается на угощение. Она позволяет высунуться из конуры Лизиной руке, чтобы втянуть посудину вовнутрь. Лишь когда, наполовину опорожненная чашка выставляется обратно, собака подходит к ней.

– Вона! – подтверждает Калиновна свою догадку, приближается до конуры, хлопает ладонью по ее крышке, шепчет ласково: – Уже все дворы проискали – не явятся боле. Вылезай давай. Пошли в избу. А там чо ни чо придумаем.

Лиза выползает на свет помятая, зачуханная...

Неделей из Новосибирска приезжают родители сестрицы Аленушки: однорукий солдат-отец и полуслепая от слез мать. Следующим утром гроб вывозят из могилы, а чуть позже Калиновна сообщает Лизе:

– Лежит прям живёхонька! Кровя из-под носишка чуток выступила – родню чувствует. Сёдня аккурат девять дён. Поминки будут в детдому справлять. После повезут до самого Барабинску на колхозной машине. Ею Никиток управляет. Он мне родня по мужу, по Ивану. Хо-ороший парень! Я об тябе открылась Никитку.

Поскольку тебя уже никто не ищет – согласился взять с собою. Как соберутся ехать, ён подвярнет машину до нас. Ты в кабину к яму и нырай. Если чо, плямяшкой зовись. А тут тебе – каюк! Витька угробит, как пить дать...

Давай, милка, – говорит она, когда под окошком её дома останавливается колхозная полуторка, в кузове которой над невидимым из окна гробом, сидят в тулупах Аленины родители. – Узелок со снедью не забудь, – напоминает Калиновна.

– Ехай! – торопит она Никитка, когда Лиза прячется в его кабине. Во след ей она творит крестное знамение и шепчет: – Господь тебя храни!

СОДЕРЖАНИЕ

Страшно	3
Бетховен	6
Сурок	10
Спасибо великому Сталину	14
Свинья	17
День рождения	19
Не умничать!	22
Сволочи	26
Поехали	30
Я – дочь врага народа	33
Марфутка ничейная	37
Ну и что?	39
Уже давно	42
Под шумок	44
Штанодёр	48
Не было бы счастья... ..	51
Вот тогда... ..	53
Гороховый бунт	55
Сдача	58
Мажай	62
Оказия	63
Тюрьма	69
Пожар	72
И всё:.. ..	73

Таисья Ефимовна Пьянкова

**Я – ДОЧЬ
ВРАГА НАРОДА**

Повесть в рассказах

Подписано в печать 19.02.15. Формат 60х84/16. Усл. п. л. 4,65.
Уч.-изд. л. 3,2. Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 1000 экз.
Типография ООО ИД «Манускрипт-СИАМ».